

НОСЛИЖИДИМИҒ

ЭМИЛИ

ИКИНСОН

стихотворения

ЭМИЛИ
ДИКИНСОН
Стихотворения

Переводы с английского
ВЕРЫ МАРКОВОЙ

Москва
«Художественная литература»
1981

И (Амер)
Д45

Предисловие и комментарии

В. Марковой

Оформление художника

И. Сальниковой

© Предисловие, переводы, комментарии,
оформление. Издательство «Художественная
литература», 1981 г.

Д $\frac{70404-109}{028(01)-81}$ 147-81 4703000000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эмили Дикинсон (1830—1886) ныне причтена к созвездию замечательных американских поэтов девятнадцатого столетия.

Есть одно, что роднит между собой Эдгара По, Уолта Уитмена, Эмили Дикинсон при всем несходстве их творческих индивидуальностей. Перед каждым из них стояла глухая стена непонимания. Эдгар По был признан в Европе раньше, чем у себя на родине. Уолт Уитмен подвергся яростной травле американских филистеров.

Еще трагичнее сложилась литературная судьба Эмили Дикинсон. Америка долго не знала, какой большой поэт творит в полной неизвестности. При жизни Дикинсон были напечатаны всего четыре ее стихотворения. Посмертные издания долго являли собой печальный пример произвола наследников и редакторов.

В двадцатом столетии, наконец, к Эмили Дикинсон пришла слава, нарастая с каждой новой, все более полной публикацией ее стихов и писем, слава американская, с широким резонансом в Европе.

С. Пероза, итальянский знаток творчества Эмили Дикинсон, писал в предисловии к выпущенному в 1964 году в Милане сборнику переводов ее лирики:

«Бывает так, что волшебство поэзии продолжает жить по ту сторону пространственных границ, за рубежом эпохи. В саду возле дома или замкнувшись у себя в комнате, Дикинсон совсем одна совершила чудо: подарила Америке свой голос истинно лирического поэта, открыла новые горизонты для поэзии и языка, оставила драгоценное наследие. Современнейший поэт даже среди поэтов нашего века, она уловила точку пересечения, если хотите, вневременного с временем».

Лирика Эмили Дикинсон до сих пор сохранила первозданную свежесть и оригинальность, но, порожденная своей эпохой, она кровно и органически с ней связана. В любом стихотворении Дикинсон, даже самом сокровенном или самом философски углубленном, можно найти «точку пересечения с временем», не сиюминутным, а историческим, выпестованным в ходе долгого развития.

Эмили Дикинсон остро ощущала подземные толчки и сдвиги: трещина проходит сквозь сердце поэта. Она была свидетельницей того, как рушатся старые идеалы, как «машинный век» теснит патриархальные сельские общины. Заколебалась даже стойкая вера пуритан — наследие первопоселенцев, ее предков. Не только в Бостоне, культурном центре Новой Англии, но даже в отсталом Амхерсте, городке, в котором Дикинсон провела всю свою жизнь, общество менялось и перестраивалось на ее глазах. Но именно время перемен, время поисков, сомнений и катастроф нередко способствует рождению великой поэзии.

В своих стихах Эмили Дикинсон уподобляет поэзию «молнийным ударам» грозы, высветляющим окружающий мир. Тем самым подлинный поэт берет на себя титаническую задачу, которая требует безмерного напряжения сил. Он как бы сам становится «электрическим эмбрионом». Поэтическая мысль Дикинсон пульсирует яркими вспышками, непрерывно расширяя до космических пределов границы мира, познанного и неизведанного.

Встает вопрос, как могла девушка, почти не

покидавшая свой родной дом, накопить такой богатый душевный и жизненный опыт? «Биография — главным образом — говорит о том — как ускользает биографируемый», — некогда заметила в одном из своих писем Эмили Дикинсон.

Про нее говорили, что всю историю ее жизни можно суммировать в трех фразах: «Родилась в Амхерсте. Жила в Амхерсте. Умерла в Амхерсте». Реконструкция ее жизни как будто проста, но в то же время ставит перед исследователем ряд парадоксальных загадок.

Предки Эмили Дикинсон были пуритане, некогда бежавшие из Англии, где они подвергались религиозным гонениям. В середине девятнадцатого века пуританский уклад жизни — уже анахронизм, респектабельная традиция, но в семье Дикинсон он еще держался прочно, что называется вьелся в плоть и кровь.

Дикинсоны принадлежали к верхушке местного общества. На главной улице стоял их каменный дом с садом, а позади расстилался принадлежавший им луг. В поэзии Эмили живут прекрасные тихие пейзажи, внезапно взрываемые бурями и ураганами.

Ортодоксальный кальвинизм учил, что человек изначально греховен и все радости жизни для него запретны. Запрещались танцы, посещение театра. Эмили Дикинсон лишь на фотографии могла увидеть великого артиста Сальвини. Но Амхерст был все же культурным городком. Образование в нем ценилось: нужны были адвокаты, медики, миссионеры. Дед Эмили Дикинсон содействовал созданию колледжа, отец был крупным законоведом, энергичным общественным и политическим деятелем. Сенатор штата и член конгресса, он собирал у себя в доме выдающихся людей своего времени. Суховатый и жесткий ригорист, Дикинсон даже свои отношения к богу оформил вполне официально. После его внезапной смерти в кармане нашли расписку: «Настоящим вручаю себя господу богу». Эмили сказала о нем: «Его сердце было чистым и ужасным — я думаю — что второго такого не существует».

Сухой педантизм отца сковывал молодое поколение: Эмили, ее сестру Лавинию и брата. Ни одному из них не удалось обрести подлинную свободу. «Меня заперли в прозе», — сказала Эми-

ли. В поэзии ее бытуют мотивы бессильного мятежа, неудачных попыток к бегству.

Как вспоминают знавшие ее, Эмили Дикинсон была в юности общительной, веселой, остроумной. Она сыпала шутками, меткими эпиграммами, даже в легком разговоре сквозил острый ум. Училась Эмили в женском колледже, где преподавали языки, литературу, естественные науки. К ее услугам была большая библиотека отца. Она любила Шекспира, Китса, увлекалась новой английской и американской литературой. Ее интересовало творчество женщин: Жорж Санд, сестер Бронте — Шарлотты и «гигантской» Эмили, Элизабет Баррет Браунинг, Джордж Элиот.

В Бостоне уже в тридцатых годах началось брожение умов, но в Амхерст либеральные идеи пришли с большим опозданием. «Вольнодумные книги» в доме Дикинсонов молодежь прятала под крышкой рояля.

Прогрессивные для того времени американские философы и просветители восстали против окостенелых догм мрачного кальвинизма. Наиболее знаменит среди них был философ, поэт и блестящий оратор Ралф Уолдо Эмерсон (1803—1882).

Он выступал во многих городах, в том числе и в Амхерсте, со своими красноречивыми лекциями и всюду имел большой успех.

Эмерсон призывал к интуитивному познанию мира, вне церковных стен, на лоне прекрасной, дикой природы. Красота мира как бы вновь открывалась глазам людей, удивляя их, и это удивление становилось первой ступенью познания.

Эмерсон преподавал также этический урок жизни, утверждая самостоятельную ценность человеческой личности, «самостояние человека», если пользоваться пушкинским термином. Он выступал также против стремительно растущего промышленного капитализма с его культом доллара и делячества, против урбанизации Америки. Однако возврат к патриархальным устоям был уже невозможен. Время для идиллических утопий прошло. В городах противостояли друг другу два враждебных полюса: неслыханная нищета и «позолоченная» роскошь.

Эмили Дикинсон восприняла многие идеи Эмерсона, они носились в воздухе, подсказанные самой историей, но пошла гораздо дальше в своем смелом и разрушительном анализе.

В 1854 году семья Дикинсон посетила Вашингтон и Филадельфию. Во время этой поездки Эмили встретила и полюбила человека, с которым не могла связать свою судьбу. Сильное чувство стало источником поэтического вдохновения. Любовь в ее стихах вырастает до космических размеров, образ возлюбленного соперничает с богом и порой подменяет его. Любовная лирика сливается с философской. Мощно и напряженно звучат темы разлуки, отречения от любви.

Но было бы неверно замкнуть творчество Эмили Дикинсон только в сфере личных переживаний, для этого диапазон ее поэзии слишком широк.

В своих письмах Эмили Дикинсон иной раз полушутливо декларировала равнодушие к политике, вероятно, порожденное отвращением к политиканству и оппортунистической демагогии. Но не случайно творчество Дикинсон достигло расцвета в начале шестидесятых годов прошлого века: это было время больших потрясений для Америки. Именно тогда происходила война между Северными и Южными штатами, и даже в глухом

углу провинции, где жила поэтесса, люди хоронили своих сыновей.

В 1860—1862 годах стихи льются потоком, никогда больше Эмили не будет творить так интенсивно. Очень быстро произошло становление в высшей степени своеобразного поэтического стиля, не имевшего аналогий в американской литературе того времени.

Наследие Дикинсон — словно поэтическая лаборатория, остановленная в ходе непрерывного эксперимента. Даже близкие люди не представляли себе, какому напряженному подвижническому труду предавалась Эмили урывками, в часы, свободные от домашней работы. Девушки в пуританской семье не проводили время в изящном безделье, как английские мисс. «Время кажется коротким и тесным — как платье — из которого выросли», — говорит она о своем дне, полном хозяйственных забот.

После ее смерти Лавиния нашла в ящиках бюро Эмили ворох бумаг. Посреди груды счетов, записок, писем, всевозможных хозяйственных мелочей, во множестве лежали тоненькие тетрадки со стихами, переписанными набело. Тут же

хранились и черновые наброски, как бы эскизы, на самых разных стадиях завершения.

Творчество Эмили Дикинсон воспринимается, как живой динамический процесс, в непрерывном развитии и восхождении.

«Не то что сотворили звезды — но то — что они еще сотворят — вот чем держится небо», — сказала Дикинсон в одном из своих писем.

Даже в беловых рукописях к тому или иному эпитету нередко добавлен столбиком внизу страницы ряд вариантов, — свидетельство неутомимых поисков: «Я не знаю, какое слово выбрать — потому что могу взять лишь немногие — и каждое должно быть главным».

Иногда стихи существуют в нескольких версиях. Процесс работы обнажен, открыт для анализа, но конечный результат остается тайной. Что Эмили Дикинсон отбросила бы, что оставила? Мы этого не знаем. Вечная загадка для текстологов, когда перед ними рукописи, которые сам автор не подготовил к печати.

Эмили Дикинсон сделала несколько попыток ознакомить «литературных знатоков» со своими стихами. Но знатоки эти, привыкшие к устойчи-

вым шаблонам, сочли ее стихи негодными для печати без коренной переработки.

В американской поэзии середины девятнадцатого века задавали тон опытные версификаторы, эпигоны английских романтиков. «Элегические куку» (пользуясь словами Пушкина) вполне отвечали вкусам публики. Поэзия в популярных журналах носила вторичный, «колониальный» характер. Америка словно бы еще находилась на задворках Европы.

Известный в Новой Англии писатель, публицист и критик Томас Уэнтворт Хиггинсон в 1862 году обратился к молодым американцам с просьбой смелее посылать свои сочинения в редакции журналов. Он ратовал за создание американской национальной литературы. Эмили Дикинсон послала ему на суд несколько стихотворений. Впоследствии они вошли в антологии американской поэзии, как жемчужины лирики. Хиггинсон ответил в снисходительном тоне, порекомендовав писать «по правилам», а пока не печататься. Но именно благодаря переписке с Эмили Дикинсон имя его осталось в истории американской литературы.

«Я улыбаюсь — когда вы советуете мне повременить с публикацией,— эта мысль мне чужда — как небосвод плавнику рыбы.

Если слава — мое достояние, я не смогу избежать ее — если же нет, самый долгий день обгонит меня — пока я буду ее преследовать — и моя Собака откажет мне в своей доверии, вот почему — мой Босоногий ранг лучше».

Ответное письмо Эмили Дикинсон полно спокойного достоинства. Пойти на компромисс в погоне за популярностью она была неспособна и приняла решение раз и навсегда: не отдавать свои стихи в печать. Вот почему не существует прижизненных изданий лирики Эмили Дикинсон.

Посвятив себя своему призванию, Эмили стала постепенно отдаляться от общества. Она носит только белые платья и все реже появляется на людях. Постепенно «девушка в белом» стала легендой Амхерста.

И опять парадокс — круг знакомств Эмили расширяется, она ведет большую переписку: «Письмо всегда казалось мне вечностью, потому что оно — мысль сама по себе, без своего телесного друга. Наша речь зависит от жеста или

ударения — а письмо — словно спектральная сила мысли — движется в одиночестве».

В середине семидесятых годов затворничество становится абсолютным. Встреча — слишком большое впечатление. Эмили не находит в себе душевных сил, чтобы видеться с самыми близкими друзьями, они слышат только ее голос из соседней комнаты. Разговор ведется через полуоткрытую дверь.

На склоне лет Эмили вновь пережила большую любовь, на этот раз счастливую и разделенную, но любящие уже не молоды, жизнь переделывать поздно.

Смерть навевается все чаще и чаще, унося одного за другим самых дорогих и близких друзей. Потеря маленького племянника — последний удар, Эмили угасает.

В мае 1886 года набросана последняя записка: «Отозвана назад. Эмили».

Первый сборник стихов Дикинсон вышел в 1890 году с предисловием Хиггинсона, в котором он назвал ее поэзию странной, необычной, несовершенной, но, впрочем, полной счастливых находок. Успех превзошел все ожидания, и лишь

тогда Хиггинсон написал Лавинии: «У меня такое чувство, будто мы поднялись на облако и за ним нашли и открыли новую звезду».

Вскоре скандальный процесс о литературном наследстве приостановил дальнейшие публикации. Рукописи надолго попали под замок и лишь в пятидесятых годах нашего века появились научные, по возможности полные издания стихов и писем.

Творческое наследие Эмили Дикинсон включает в себя около двух тысяч стихотворений и замечательные письма. Эти письма — проза поэта. Сжатые до предела мысли, неожиданные и смелые метафоры стремятся войти в грани стиха, словно из насыщенного раствора выпадают кристаллы.

Первые стихи Эмили, шуточные, из студенческого репертуара, были хорошо зарифмованы и не нарушали общепринятых в ее время правил просодии. Но рамки эти были тесны для Эмили Дикинсон и она начала искать средства новой выразительности, свой собственный поэтический язык: «Я сама смешиваю свои краски».

Исследователь ее творчества Ч.-Р. Андерсон

говорит: «Эмили Дикинсон экспериментировала с языком как открыватель новых земель. Язык давал ей возможность пережить увлекательные приключения. Он помогал ей открыть с удивлением, всегда новым, то, чего никто не видел ранее. Она обращалась со словами так, словно первая нашла их, с радостью и благоговением, которые английская поэзия потеряла после Возрождения. А также со свободой творца: создавая новые слова, смело оперируя с доставшимся ей по наследству словарем, опрокидывая синтаксис, перекашивая рифму».

Эмили Дикинсон взяла за основу размер и строфы знакомых ей с детства протестантских гимнов, но их монотонные размеры прошиты изысканными модуляциями ритма. Стих пульсирует, как живой.

Необычен способ записи стихов. Паузы размечены при помощи тире, пунктуация почти отброшена. Группы слов выделены ритмически и по смыслу, между ними лежит почти осязаемое пространство.

Поэтический язык Эмили Дикинсон очень смел для того времени. Она вводила в него нео-

логизмы, научные термины, бытовые «домашние слова», добывая ароматы «из самых обычных слов — замусоривших двор». Латинские и греческие слова она сталкивала с англосаксонскими. Недаром толковый словарь Уэбстера был ее любимым чтением. Своеобразен ее синтаксис с неожиданными причудливыми инверсиями. Привычные грамматические связи нередко летят за борт, как балласт.

Рифмы, часто неточные, «бедные», возникают и исчезают, как эхо, но ткань стиха изобилует аллитерациями, как в поэзии Шекспира. Дикинсон любит консонансы, иногда рифма — один лишь последний согласный звук, как щелканье ключа.

Ранняя лирика Дикинсон (пятидесятые годы, отчасти начало шестидесятых) во многом описательна, красочно нарядна. Поэтесса пробует свои силы иногда не без некоторого кокетства: кто еще может в нескольких строках создать такую феерию красок и звуков?

Но в зрелом периоде творчества она расходует свои поэтические средства очень экономно и умеет даже короткое четверостишие сделать

необычайно емким по смыслу. Дикинсон пишет многие нарицательные слова с заглавной буквы, как в англосаксонской или немецкой поэзии, и тем их персонифицирует. Даже отвлеченные понятия начинают играть, как актеры, в великой драме жизни. Драма эта разыгрывается «при пустом партере», глубоко в сердце человека. Человек — Гамлет или Ромео «сам для себя», подмостки — обычный день. И это не просто акт лицедейства: Дикинсон стремится к предельной искренности, хотя бы это давалось тяжелой ценой.

Лишь так рождается настоящая поэзия: «Неизвестен ни один случай — чтобы роза обманула свою пчелу — хотя аромат в особых случаях был получен путем Багрового опыта» — говорит она в письме.

Поэзия Дикинсон нелегка для понимания. Иные слова она употребляет как символы. Так Голубой или Таинственный полуостров, экзотические страны (например, Бразилия) — обозначают нечто недостижимое, быть может, запредельное. Символичны цвета: лазурь или пурпур; она рисует не просто картины природы, но «ландшафты души».

Многие стихи Эмили Дикинсон по форме напоминают загадку, но мысль ее точна и неожиданные метафоры стремятся схватить и сконденсировать самую суть поэтической мысли. Про нее можно сказать, что она «мыслит стихом».

Напряженность чувства нарастает до белого накала в борении Жизни со Смертью, Веры и Сомнения, Радости и Отчаяния, Любви и Отречения от любви. Дикинсон спорит с самим богом. Она то вверяется ему, как ребенок, то восстает против него, потому что не доискаться, не достучаться, и диалог обрывается в пустоте: «Бог отвечает „нет“ или совсем не отвечает». Так же труден диалог с природой, которая остается в конечном счете непостижимой. Но именно непознанное манит.

Бездна времени, беспредельность пространства для Дикинсон не абстракция. Говорят, что человек не может смотреть на смерть, как не может смотреть на солнце, но Эмили Дикинсон не нуждалась в дымчатых стеклах. Смерть в ее разных аспектах одна из основных тем творчества поэтессы. Смерти противостоит упоение жизнью.

«Я нахожу в жизни счастье — доходящее до экстаза». «Жизнь сама по себе так удивительна — что оставляет мало места для других занятий».

Каждое чувство концентрируется в фокусе наблюдения и переживания так остро, что даже радость превращается в источник боли. Дикинсон любит предощущение, «момент предисловия». Высший момент подъема — это одновременно и момент спада.

Вот почему в театре ее души иногда центральные роли играют Возможность, Невероятное, Недостижимое.

Эмили Дикинсон остро ощущала трагизм эпохи и собственного бытия, но у нее было средство защиты: ирония. Она способна смотреть как бы со стороны, с иронией, даже на своего лирического героя — себя самое.

Для ненавистных ей дельцов и политиканов, мещан и филистеров у нее наготове едкий сарказм или своеобразный американский юмор. Сатирические стрелы беспощадно бьют в цель: «Зверинец для меня // Моих соседей круг».

Эмили Дикинсон писала в уединении, но стихи ее не монолог, им свойственны разговорные

интонации, словно она обращается к кому-то и ждет ответа. Охотно применяет она и подлинно ораторские приемы, спорит и убеждает.

Нередко стихотворение начинается с чеканного афоризма и далее следует один-два примера, подтверждающие философскую мысль или житейское наблюдение. В немногих строфах рассказана жизнь человека, повесть о чьей-то гибели или небывалой стойкости. Некоторые ее стихотворения, в сущности, трагические новеллы.

Но порой звучит «простая песенка». С высот философских созерцаний Эмили спускается к житейскому, доброму, ведь и она тоже «одна из малых сих». Любовь — движущая сила ее жизни и поэзии. Жизнь уже оправдана, если удастся согреть хоть одну замерзающую малиновку.

Лирика Эмили Дикинсон ныне драгоценное достояние американской и мировой литературы.

Картин первоискатель —
Зоркости урок,—

сказала Дикинсон о подлинном поэте, а тем самым и о себе самой.

В. Маркова

ТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Утром мягче холодок —
Орех — литая бронза —
Круглее щеки ягоды
И в отъезде роза.

На ветках клена алый шарф —
Каймой на поле брошен.
Чтоб от моды не отстать —
И я надену брошь.

* * *

Сон? В чем его суть?
Трезвый ум не смущен ничуть —
Только глаза сомкнуть.

Сон — это высший сан.
По обе руки — потрясен —
Стоит свидетелей сонм.

Утро? Мудреного нет —
Вот здравомыслов ответ.
Это же просто рассвет.

Где видели вы рассвет?

Аврора должна взойти
К востоку от вечности.

Ликующих флагов полет —
Праздничный пурпур высот —
Так — Утро встает!

* * *

Вот все — что я тебе принесла!
Это — и сердце мое.
Это — и сердце мое — все поля —
Летних лугов разлет.
А если хочешь сумму узнать —
Пересчитай подряд
Это — и сердце мое — всех Пчел —
Что в Клевере гудят.

* * *

Я ограбила Лес —
Простодушный Лес.
С доверчивых ветвей
Сокровища их срывала
По прихоти своей.
Там высмотрю мох —
Здесь колючий каштан —
Схвачу — унесу домой.
Что скажут мне строгие Сосны?
Что скажет Дуб вековой?

* * *

День! Здравствуй — День очередной!
Означь свой малый срок.
Случайный выстрел иногда —
К виктории пролог!

Пошел вперед простой солдат —
И крепость в прах легла.
Скрепись — душа! Быть может — бой
Решит твоя стрела!

* * *

Сердце! Забудем оба —
Был он — или нет!
Ты позабудешь его тепло —
Я позабуду свет.

Кончишь работу — скажи —
Я начну в свой черед.
Скорей! Минуту промедлишь —
Память о нем всплывет.

* * *

Я все потеряла дважды.
С землей — короткий расчет.
Дважды я подаянья просила
У господних ворот.

Дважды ангелы с неба
Возместили потерю мою.
Взломщик! Банкир! Отец мой!
Снова я нищей стою.

* * *

Пусть я умру —
Ты будешь жить —
И суждено опять
Заре — блеснуть,
Полудню — жечь,
И времени — журчать.
И будут пчелы черпать сок —
Не стихнет стая птиц.
Могу я смело взять расчет —
Курс акций устоит.
В кругу цветов — в молчанье трав —
Спокойно встречу смерть я —
Ведь проторей не понесут
Биржа и коммерция.
Душа — прощаясь — не взгрустнет —
Приятной сцене рада —
Какие прыткие дельцы
Здесь во главе парада!

* * *

Чтоб свято чтить обычные дни —
Надо лишь помнить:
От вас — от меня —
Могут взять они — малость —
Дар бытия.

Чтоб жизнь наделить величием —
Надо лишь помнить —
Что желудь здесь —
Зародыш лесов
В верховьях небес.

* * *

Успех всего заманчивей
На самом дне беды.
Поймешь — как сладостен нектар —
Когда — ни капли воды.

Никто в пурпурном воинстве —
Сломившем все на пути —
Не смог бы верней и проще
Слова для Победы найти —

Чем побежденный — поверженный...
Сквозь смертной муки заслон
Он слышит так ясно — так ясно —
Триумфа ликующий стон.

* * *

Ликование Свободы —
Это к морю — путь души —
Мимо мельниц —
Мимо пастбищ —
Сквозь ряды крутых вершин.

Мы росли в кольце долины.
Разве моряки поймут
Упоенье первой мили —
Первых Вечности минут?

* * *

Когда я слышу про побег —
Забьется кровь сильнее —
Внезапная надежда —
Крылья за спиной.

Когда я слышу — что тюрьму
Снес натиск мятежа —
По-детски тереблю затвор —
И вновь — не убежать.

* * *

Наша жизнь — Швейцария —
Тишь — холодок —
Но в один нечаянный день
Альпы раздвинут Полог
И приоткроют Даль.

Италия по ту сторону —
Но разве перебежишь!
Альпы — стражи —
Альпы — сирены —
Вечно хранят рубежи!

* * *

Сердце — полегче моего —
Вечернюю тишь возмутив —
Прошло под моим окном —
Насвистывая мотив —

Так — уличную песенку —
С невнятицей пополам —
Но для израненных ушей
Самый целебный бальзам.
Как будто пролетный Бóболинк
Заглянул в мой уголок —
Спел песню радости — и вдали
Медленно умолк.
Как будто вдоль пыльной дороги
Щебечущий ручей
На стертых в кровь — дрожащих ногах —
Сплясал — нельзя веселей.
Снова ночь возвратится —
Вернется боль — как знать.
О звонкий Рог! Под моим окном —
Прошу — пройди опять.

* * *

Полет их не удержи́м —
Шмель — Час — Дым.
С элегией повременим.

Останутся — не догорят —
Вечность — Гóре — Гора.
О них не говорю.
Иной — упокоюсь — взлетит.
Найдет ли неба зенит?
Как тихо загадка спит.

* * *

Новые ноги топчут мой сад —
Новые пальцы холят росток.
На ветке вяза бродячий Певец
Одиночество гонит прочь.
Новые дети шумят на лугу.
Новые кости легли на ночлег —
И снова — задумчивая весна —
И вновь — пунктуальный снег.

* * *

Склонить — подчеркнуто — голову
И под конец узнать —
Что позы такой не приемлет
Бессмертный разум наш!

Родится злая догадка —
И вы — в этой хмари — все —
Коледуетесь —
Паутинки
На зыбкой Кисее.

* * *

Такой — крошечный — крошечный — Челнок
В тихой заводи семенил.
Такой — вкрадчивый — вкрадчивый — Океан
Посулом его заманил.
Такой — жадный — жадный — Бурун
Сглотнул его целиком —
И не заметил царственный флот —
Челнок мой на дне морском.

* * *

Есть что-то в долгом Летнем дне —
В ленивом факельном огне —
Торжественный настрой.

И что-то в летний полдень вдруг —
Отзвук — аромат — Лазурь —
Глубинней — чем восторг.

А летней ночью — меж тенет —
Мерцающая что-то проблеснет —
Махну рукой в ответ —

Вуаль спускаю убоюсь —
А вдруг от слишком жадных глаз
Все убежит — но нет —

Волшебных пальцев не уймешь —
И в тесных ребрах невтерпеж
Пурпурному ручью.

Янтарный флаг восточных стран —
Багряных красок Караван —
Утеса на краю.

Спеши же — Утро — и опять
Мир в чудеса одень —
Иду встречать я — сквозь росу —
Новый Летний день!

* * *

В краю — где я не была никогда —
Альпы высятся гордо —
Их Шапки касаются небосвода —
Их Сандалии — города —
Играют у их вековых ног
Мириады маргариток юных —
Сэр — кто из них вы —
Кто из них я —
В это утро июня?

* * *

Подруга поэтов — Осень прошла.
Проза вбивает клин
Между последней дымкой
И первым снегом долин.
Зори острые — словно ланцеты —
Дни — аскетически скупы.
Пропали мистера Брайанта астры —
Мистера Томсона снопы.

Запечатаны пряные уста.
Унялась толчея в ручьях.
Месмерические пальцы трогают
Веки Эльфов — жестом врача.
Может — белка меня не покинет?
Я сердце ей отворю.
Пошли мне — Боже — солнечный дух —
Нести ветровую волю твою!

* * *

Воде учит сохшийся рот —
Земле — пустой горизонт —
Счастью — тоска —
Миру — сражений гром —
Любви — запечатанный гроб —
Птицам учат Снега.

* * *

Как изменился каждый холм!
Тирийский свет наполнил дол.

Все шире зори поутру —
Все глубже сумрак ввечеру.
Ноги пунцовой легкой след —
Пурпурный палец на холме —
Плясунья-муха за стеклом —
Паук за старым ремеслом —
Победный Шантеклера зов —
Повсюду в гости ждут цветов —
И в роце посвист топора —
И пахнет травами тропа.
Не перечислить всех примет —
Так каждый год она на свет
Родится снова — и твоим
Конец сомненьям — Никодим!

* * *

Она терпела. Только жилы
Чертили синие штрихи.
Вокруг спокойных глаз молили
Пурпурные карандаши.

Расцвел и облетел нарцисс —
Тогда терпенье вдруг ушло —

И на скамью среди святых
Она присела тяжело.

Усталый шаг ее — не мерит
Селенье из конца в конец —
В вечерний час не забелеет
Ее застенчивый чепец.

Мы тихо шепчемся о ней —
А там — венчанья торжество —
Там — робкая — она царит —
Стыдась бессмертья своего.

* * *

Дарят мне песни пчел
Волшебный произвол —
Но как — и в чем секрет —
Мне легче умереть —
Чем дать ответ.

Холм огненной каймой
Сжигает разум мой.
Смеешься? Берегись!
Сам бог сошел к нам вниз —
Вот мой ответ.

Восход — и я лечу —
Но как и почему —
В чем сила этих крыл?
Тот — кто меня лепил —
Найдет ответ.

* * *

Раненый Олень — говорят —
Прядает в высоту —
Это всего лишь смерти Экстаз
И — затихли кусты!

Фонтан Скалы — под киркою!
Под пятой — Пружины прыжок!
Празднично яркий Багрянец
Обожженных Чахоткой щек!

Веселость — Кольчуга отчаянья —
Самый надежный покров —
Чтоб — высмотрев — не спросили —
«Вам больно? Кажется — кровь?»

* * *

Какой восторг! Какой восторг!
А проиграю — кончен торг!
Но ведь иной бедняк
Ребром последний ставил грош —
И выиграл! Как била дрожь —
От счастья лишь на шаг.

Жизнь — только Жизнь. Смерть —
только Смерть.

Свет — только Свет. Смерч — только Смерч.

Пусть карты их рассудят.

Ты побежден? Но мысль сладка:

Решилось все — наверняка —

И худшего не будет!

А если... О — всех пушек рев —

О — перезвон колоколов —

Подайте весть вполсилы!

Ведь так несхожи — Рай мечты —

И тот — где вдруг проснешься ты —

Меня бы оглушило!

* * *

Если меня не застанет

Мой красногрудый гость —

Насыпьте на подоконник

Поминальных крошек горсть.

Если я не скажу спасибо —

Из глубокой темноты —

Знайте — что силушь вымолвить

Губами гранитной плиты.

* * *

Вера — прекрасное изобретение
Для «зрящих незримое», господа.
Но осторожность велит — тем не менее —
И в микроскоп заглянуть иногда.

* * *

Небеса не умеют хранить секрет.
Скажут на ухо горным высям —
Горы — холмам — а холмы — садам —
Сады — полевым нарциссам.

Пролетная птица на пути
Подслушала случайно.
Что — если птицу мне подкупить?
Я б разгадала тайну.

Но только стóит ли? Отче —
Храни свои «отчегó»!
Если Весна — аксиома —
То в чем снегов колдовство?

И — право — зачем досконально знать —
Как дважды два — четыре —
Что творят сапфирные эти юнцы —
В новом — с иголки — мире.

* * *

Я узнаю — зачем? — когда кончится Время —
И я перестану гадать — зачем.
В школе неба пойму — Учителю внемля —
Каждой муки причину и зачин.

Он расскажет — как Петр обещанье нарушил —
И — когда услышу скорбный рассказ —
Забуду я каплю кипящей Печали —
Что сейчас меня жжет — обжигает сейчас.

* * *

Под легким флёром мысль ясней —
Видней ее вершины —
Так пена скажет: «Здесь прибой» —
Туман: «Здесь Апеннины».

* * *

Я пью из жемчужных кружек
Летнего дня огонь.
Так не пьянит — не кружит
Всех рейнских вин алкоголь!

Я — дебошир воздуха —
У меня от росы — запой
В салунах расплавленной синевы —
На каждом углу другой.

Когда «Хозяин» вышибет вон
Из наперстянки Пчелу —
Когда уснет хмельной Мотылек —
Я пуще пущусь в разгул!

Снежной шапкой взмахнет Серафим —
Святой к окну припадет —
«Вот маленькая пьянчужка
Из Мансанильи идет!»

* * *

Укрыта в покоех из алебастра —
Утро не тронет —
День не слепит —
Лежит Воскресения мирная паства —
Стропила — атлас —
Крыша — гранит.

Эры шествуют Полумесяцем млечным —
Миры выгнут арки —
Катятся сферы —
Диадемы — падают —
Дожи — сдаются —
Бесшумно — как точки
На Диске из снега.

* * *

Она метет многоцветной метлой —
Но мусора не подберет.
О Хозяйка вечерней зари —
Вернись — обмети пруд!

Ты обронила янтарную нить —
Обронила пурпурный клубок —
А теперь засыпала весь Восток
Изумрудами лоскутов.

А она все машет пятнистой метлой —
А передник ее все летит.
Метла померкнет — россыпью звезд —
Время — домой идти.

* * *

Вспыхнет золотом —
Погаснет багрянцем —
Леопардом прыгнет на небосвод —
Потом — к ногам Старика Горизонта
Склонив пятнистую морду — умрет.

Пригнется — в окошко к Бобру заглянет —
Коснется крыш —
Расцветит амбар —
Колпачок свой снимет — прощаясь с поляной —
Миг — и откланялся День-Жонглер.

Держа в руке бесценный камень —
Заснула без забот.
Болтливый ветер — жаркий полдень —
Казалось — время ждет.

Что пальцы честные корить мне?
Пропал! По чьей вине?
Лишь аметистовая память —
Одна — осталась мне.

У света есть один наклон.
Припав к снегам устало —
Он давит — словно тяжкий Груз
Соборного Хорала.

Небесной Раной наградит —
Но ни рубца — ни крови —
И только сдвинется шкала
Значений и условий.

Отчаяньем запечатлен —
Кому он подневолен?
Он — словно царственная скорбь —
Которой воздух болен.

Придет —
И слушает Ландшафт —
И тень дохнуть не смеет.
Уйдет — как бы Пространством
Отгородилась Смерть.

* * *

Милый — прочти — как другие
Мужались — чтобы нам выстоять —
Чем поступились они —
Чтоб мы одолели страх —
Сколько раз — на смерть
Шли свидетели Истины —
Чтобы слабым помочь
В самых дальних веках!

Прочти — как сияла вера —
Над вязанками хвороста —

Как река не могла утопить
Песнопения звук величавый —
Когда имена мужчин
И женщин — избранниц небес —
Со страниц старательной хроники
Уходили в летопись славы!

* * *

Это Желтого моря заводи —
Побережье огненных стай.
Где родина моря — куда оно прядает —
Знает только Закат.
Это — тайна тайн.
Груз доставлен:
Пурпур и золото —
Опаловые тюки — горой.
Паруса разгорятся на горизонте —
И — опалясь — нырнут с головой.

* * *

Друзей тенистых в знойный день
Найти немудрено —

Но кто несет тебе тепло
В час Мысли ледяной?

Кисейная душа дрожит —
Чуть пробежит струя —
Но если твердое Сукно
Прочней — чем Кисея —

Кого винить? Прядильщика?
О — пряхи трудный жгут!
Ковры для райского села
Так неприметно ткут.

* * *

Я — Никто. А ты — ты кто?
Может быть — тоже — Никто?
Тогда нас двое. Молчок!
Чего доброго — выдворят нас за порог.

Как уныло — быть кем-нибудь —
И — весь июнь напролет —
Лягушкой имя свое выкликать —
К восторгу местных болот.

* * *

Это — как Свет —
Радость всех времен —
Как пчелиный напев —
Модой не заклеюмен.

Это — как лесам —
По секрету — Ветер —
Слова ни одного —
Но как бьется ветвь!

Это — как Восход —
Лучшее — после.
Вечности часы
Прозвонят Полдень.

* * *

Одной мне не быть ни на миг —
Круг гостей так велик —
Но кто и откуда проник —
Загадка зашла в тупик.

Ни мантий у них — ни имен —
Ни титулов — ни знамен —
Без адреса — где-то дом —
Словно гнездится гном.

Приход их легко узнать —
В душе подается Знак —
Но уход не слышен никак —
Их никогда не прогнать.

* * *

Допустим — Земля коротка —
Всем верховодит тоска —
И многие — в тисках —
Но что из того?

Допустим — каждый умрет —
Крепок Жизни заряд —
Еще сильнее — Распад —
Но что из того?

Допустим — в райских селеньях
Все разрешит сомненья
Новое уравненье —
Но что из того?

* * *

Душа изберет сама свое Общество —
И замкнет затвор.

В ее божественное Содружество —
Не войти с этих пор.

Напрасно — будут ждать колесницы —
У тесных ворот.
Напрасно — на голых досках — колени
Преклонит король.

Порою она всей пространной нации —
Одного предпочтет —
И закроет — все клапаны вниманья —
Словно гранит.

* * *

Отличие Отчаянья
От Страх — как разлом —
За миг до катастрофы —
И через миг — потом.

Не колыхнется Разум —
Спокоен будто Глаз
Гипсового слепка —
Он знает — что незряч.

* * *

Два Заката
Послала я —
День меня перегнать не смог —
Я второй завершила — и россыпь Звезд —
Он едва лишь первый разжег.

И пусть — как заметила я друзьям —
Обширней его Закат —
Но мой не в пример удобней —
Легко унести в руках.

* * *

Он сеет — сквозь свинцовое сито —
Припудрит лес и овраг —
Он алебастром загладит
Морщины сельских дорог.

Он вылепит плоское Лицо
Из равнин и холмов —
Невозмутимый Лоб — от востока
И до востока вновь.

Он каждую ветхую изгородь
Обернет мохнатым руном —
Накинёт небесную Вуаль
На темный бурелом —

На ствол — на стог — на стебель.
Засыплет слоем слюды
Акры сухих суставов —
Отшумевшей жатвы следы —

Он столбы в кружева оденет —
И вдруг прикорнул — затих.
Мастера его скроются — легче видений —
Словно нет и не было их.

* * *

Я знаю — как оно вошло —
Плетенье пестрых лент —
Шпиль в аметистах плавал —
Бóболинк запел —
Весть побежала — Белкой —
Гора сняла чепец —
Тогда шепнула я себе —
«Солнце? Наконец!»

Но как зашло оно — когда?
Спешит — покинув класс —
Шафранных сорванцов гурьба —
Пурпурный перелаз.
Учитель в сером вышел вслед
На опустевший двор —
Ворота Вечера закрыл —
И опустил затвор.

* * *

Нас племяет Стеклярус —
Но до Жемчуга дорастешь —
И прощай — Стеклярус!
А ведь как на Жемчуг похож.
Наши новые руки
Отработали каждый прием
Ювелирной тактики
В детских играх с Песком.

* * *

Ведь я просила хоть грош —
А в смущенную руку мою

Незнакомец бросил целое царство —
И — как столб — я стою.
Ведь я молила Восток:
«Чуть-чуть Рассвет приоткрой!» —
А он взорвал пурпурные дамбы
И меня затопил Зарей.

* * *

Я на пуантах танцевать
Науки не прошла —
Но иногда веселья дух
Так во мне крылат —

Что — знай балета я азы —
Вся Труппа — побелев —
Глядела бы на мой полет —
А приму душит гнев.

Пусть в дымке газа и в цветах
Я к рампе не скольжу —
Пусть ножку в воздухе — легко —
Как Птица — не держу —

Пусть в пируэте не верчусь —
Чтоб ветер в пену сбить —
Пока меня не сдует прочь
Неистовое «бис» —

И пусть никто не знает —
Афиши не галдят —
Но танцем полон мой Театр —
Идет гала-спектакль.

* * *

В моем саду погнался Гость —
За дождевым червем —
Пополам перекусил
И съел его — сырьем —

Потом запил глотком росы
С попутного листка
И боком-боком поскакал —
Чтоб пропустить — жука.

Испуганные бусинки —
Вздрос и трепет крыл —

Он бархатной головкой
Тревожно покрутил.

Я крошку подала ему —
Но Гость несмелый мой
Тихонько перья развернул
И прочь уплыл — домой.

Так в океане борозду
Не проведет Весло.
Так — ни всплеска — ни следа —
Нырнет Мотылек.

* * *

После сильной боли ты словно в гостях.
Нервы — как надгробья — церемонно сидят.
Сердце спросит вчуже: «Да было ли это?
Но когда? Вчера? До начала света?»

Ноги механически бродят — без роздыху —
По Земле — по Воздуху —
В Пустоте? —
Одеревенели — не разобраться —
Отгороженность камня — довольство кварца.

Этот час свинца —
Если выживешь — вспомнится —
Как про снег вспоминают погибавшие люди—
Холод — оцепенение! Будь — что будет!

* * *

Как странно — быть Столетьем!
Люди проходят — а ты — свидетель —
И только! Нет — я не так стойка —
Я умерла бы наверняка.

Все видеть — и ничего не выдать!
Не то еще вгонишь в краску
Наш застенчивый Шар земной —
Его так смутит огласка.

* * *

Скажи идущим ко дну — что этот —
ныне незыблемый —
Тоже терпел крушение — и подымаясь со дна —
Рос — укрепляясь действием —
а не поиском мысленным —
Как уходила Слабость — как Сила была рождена.

Скажи им — что самое худшее минет —
через мгновение —
Пуля в бою не страшна —
страшен летящий свист.
Если пуля войдет — с нею войдет Молчание —
Смертный миг аннулировал право тебя убить.

* * *

Бьет в меня каждый день
Молния — так нова —
Словно тучи только сейчас
Огонь — навылет — прорвал.

Она по ночам меня жжет —
Она бороздит мои сны —
Каждым утром задымлен свет —
Так глаза мои опалены.

Я думала — Молния — миг —
Безумное — быстрое «прочь».
Небеса проглядели ее
И забыли — на вечный срок.

Замшелая радость книжной души —
Встретить старинный том
В доподлинном платье далеких лет.
Честь — побывать с ним вдвоем —

Его почтенную Руку взять —
Согреть пожатьем своим —
Вместе уйти в те времена —
Когда он был молодым.

Чудаковатые мнения его
В споре поглубже копнуть.
Доведаться — как понимает он
Литературы суть.

Над чем ученые бились тогда?
Как состязались умы —
Когда достоверностью был Платон —
Софокл — человеком — как мы —

Когда девушка Сафо вступала в круг —
Беатриче по улице шла

В том платье — что Данте обожествил?
Домашние эти дела

Он помнит. Может вам возвестить —
Как дальней земли посол —
Что были правдивы все ваши Сны.
Он с родины их пришел.

Его присутствие — Волшебство.
Просишь — еще побудь! —
Он качает пергаментной головой —
Дразнит — чтоб ускользнуть.

* * *

Я была на небе —
Это маленький Город —
Освещен рубином —
Выслан пухом — как голубь.

Тише летних полей —
Когда росы их студят —
Этот хрупкий рисунок —
Создавали не люди.

Народ — как Мошки.
Дела — Паутинки.
Дома — как Дымки.
Имена — Пушинки.

Быть почти счастливой
Там не слишком трудно
Посреди такого
Избранного Круга.

* * *

Дыба не сломит меня —
Душа моя вольна.
Кроме этих — смертных — костей
Есть другие — сильней.

Палачу до них не достать.
Бессильна дамасская сталь.
Два тела кто покорит?
То — связано —
Это — бежит.

Не трудней Орлу
Отринуть скалу
И в небо взлететь —
Чем тебе — в тюрьме.

А если не сможешь —
Ты сам — свой Сторож!
Плен — это Сознание.
Свобода — тоже.

* * *

Стена меня не утешит —
Встань до небес Скала —
На зов серебряный Его
Я б все равно пришла.

Будь между нами целый Мир —
Пробила б встречный лаз —
Награду заслужила б я —
Свет в Его глазах.

Но вся преграда — волосок —
Былинка — а не сломишь —

Стальная паутинка —
Крепость — из соломы.

Так ставит дамская вуаль
Границу непреклонно —
Любая прядка — Цитадель —
В складках спят Драконы.

* * *

Так серафически нежны —
С землею не в ладу —
Что легче Плюш атаковать —
Насиловать Звезду!

Кисейные воззрения.
Ах — как пугает плоть!
Веснушчата Натура —
И простоват Господь.

Нет — не для жантильных дам
Рыбацкий грубый сказ.
Пусть Небо — недотроги —
Так устыдится вас!

* * *

Летели — как Хлопья —
Летели — как Звезды —

Как лепестки Роз —
Когда прочесывают июнь
Пальцы внезапных гроз.

Пропали в сплошных цельнокроенных травах —
Ничьи глаза их не сыщут —
Но бог призвать к себе может — любого —
По нерушимому списку.

* * *

Сколько очарованья
В лице — сквозящем чуть-чуть.
Она не смеет поднять вуаль —
Чтоб Тайны не спугнуть —

Но смотрит — сквозь тонкую Дымку —
Отказывает — и ждет.
Открыться — убить желанье —
То — чем Образ живет.

* * *

Ветер ко мне постучал —
Как усталый вконец человек.
«Войдите!» — откликнулась я.
Тут скользнул в мою дверь

Быстрый безногий Гость.
Ну как подать ему стул?
Да можно ли Воздуху предложить —
Чтоб он на софе прикорнул?

Змеилось его лицо.
О чем-то жужжали уста —
Словно стая колибри — порх —
С возвышенного куста.

Музыка
Из пальцев лилась.
Сколько мелодий — простых —
Как прерывистый звон стекляшек —
Если тихо дунуть на них!

А он все порхал и порхал —
Потом постучал у окна —
Как робкий человек — торопливо —
И я осталась одна.

* * *

Это — письмо мое Миру —
Ему — от кого ни письма.
Эти вести простые — с такой добротой —
Подказала Природа сама.
Рукам — невидимым — отдаю
Реестр ее каждого дня.
Из любви к ней — Милые земляки —
Судите нежно меня!

* * *

Он был Поэт —
Гигантский смысл
Умел он отжимать
Из будничных понятий —
Редчайший аромат

Из самых обычных трав —
Замусоривших двор —
Но до чего же слепы
Мы были — до сих пор!

Картин Первоискатель —
Зоркости урок —
Поэт — нас по контрасту —
На нищету обрек.

Казне — столь невесомой —
Какой грозит урон?
Он — сам — свое богатство —
За чертой времен.

* * *

Я принял смерть — чтоб жила Красота —
Но едва я был погребен —
Как в соседнем покое лег Воин другой —
Во имя Истины умер он.

«За что,— спросил он,— ты отдал жизнь?» —
«За торжество Красоты». —

«Но Красота и Правда — одно.
Мы братья — я и ты».

И мы — как родные — встретили ночь —
Шептались — не зная сна —
Покуда мох не дополз до губ
И наши не стер имена.

* * *

Триумфы бывают разных родов.
Триумф в четырех стенах:
Старая владычица — Смерть —
Верой побеждена.

Триумф для отточенного ума:
Правда — разбив тюрьму —
Спокойно восходит к вышине —
Лишь богу верна своему.

Трудный Триумф — помедля — вернуть
Взятку соблазна назад —
Взглянув на отвергнутые небеса —
Косясь на дыбу и ад.

Но самый суровый — он мне знаком —
Когда стоишь — обелен —
Перед этим голым барьером —
Судии строгим челом.

* * *

Домá — лоска и блеска —
Домá — ласки и неги —
Герметический очаг —
Стальной зажим — на мраморной крышке —
Вход закрыт — для босых ног.

Атласный ручей — в берегах из плюша —
Не так баюкает слух —
Как смех и шепот — господ жемчужин —
Как тихий шелест слуг.

Плешивая Смерть не гостит в салонах —
Плюгавая Хворь не дерзнет
Пятнать драгоценные лики.
Скорбь и могильный гнет

Мелькнут — в приглушенных каретах —
Лишь бы сберечь секрет —
Как просто — под грузом улыбок —
Сломиться — и умереть.

* * *

Цивилизация гонит Леопарда.
Слишком дерзок для вас?
Но пески не смутит его золото —
Эфиопов — его атлас.
Пятниста его одежда —
Рыжий нрав не поборешь —
Но Леопард таким рожден — господá —
Что же хмурится сторож?

Пожалейте Леопарда — в изгнании —
Не заглушит бальзам —
И не сотрет наркотик
Видения прежних пальм.

* * *

Так жалости чужд — как жалоба.
Так глух к словам — как гвоздь.
Так холоден — словно я — купец —
На вес продающий кость.

Так времени чужд — как История.
Так сегодня близок нам —
Как Радуги шарф ребенку —
Как смеженным в гробнице глазам

Желтые игры Заката!..
Не шевельнется танцор —
Когда Откровение цвета ворвется
И бабочек взвихрит костер.

* * *

Завидую волнам — несущим тебя —
Завидую спицам колес.
Кривым холмам на твоём пути
Завидую до слез.

Всем встречным дозволено — только не мне —
Взглянуть на тебя невзначай.
Так запрещен ты для меня — так далек —
Словно господний рай.

Завидую гнездам ласточек —
Пунктиром вдоль застрех —
Богатой мухе в доме твоём —
Вольна на тебя смотреть.

Завидую листьям — счастливцам —
Играют — к окну припав.
За все алмазы Писарро
Мне не купить этих прав.

Как смеет утро будить тебя?
Колокольный дерзкий трезвон —
Тебе — возвещать Полдень?
Я сама — твой Свет и Огонь.

Но я на цветок наложу интердикт —
Пчелу от него отжениа —
Чтоб Полдень не бросил в вечную тьму
Архангела — и меня.

* * *

Наш Мир — не завершение —
Там — дальше — новый Круг —
Невидимый — как Музыка —
Вещественный — как Звук.

Он манит и морочит —
И должен — под конец —
Сквозь кольцо Загадки
Пройти любой мудрец.

Чтобы найти ответ —
Сносили наши братья
Презрение поколений —
Не убоясь распятыя.

Споткнувшись — ловит вера —
Со смехом пряча стыд —
Хоть пруттик Доказательства —
Флюгер — поводырь.

Раскаты аллилуйи —
Гром с кафедры — вотще!
Наркотик не работает —
Душу точит червь.

* * *

Мне — написать картину?
Нет — радостней побыть
С прекрасной невозможностью —
Как гость чужой судьбы.
Что пальцы чувствовать должны —
Когда они родят
Такую радугу скорбей —
Такой цветущий ад?

Мне — говорить — как флейты?
Нет — покоряясь им —
Подняться тихо к потолку —
Лететь — как легкий дым —
Селеньями эфира —
Все дальше — в высоту.
Короткий стерженек — мой пирс
К плавучему мосту.

Мне — сделаться Поэтом?
Нет — изоцрить мой слух.
Влюблен — бессилен — счастлив —
Не ищет он заслуг —
Но издали боготворит
Безмерно грозный дар!
Меня бы сжег Мелодий
Молнийный удар.

* * *

Я вызвала целый мир на бой —
Камень — в руке моей.
Крепче меня был пастух Давид —
Но я была вдвое смелей.

Я камень метнула — но только себя
Ударом на землю смела.
Был ли слишком велик Голиаф —
Или я чересчур мала?

* * *

Немногословных я страшусь —
Молчит — что скрыто в нем?
Я красная обгону —
Болтаю с болтуном.

Покуда мы последний грош
Впустую извели —
Молчальник взвешивал слова —
Боюсь — что он велик.

* * *

Сочтем по порядку — во-первых — Поэт —
Солнце — во-вторых —
Лето — затем господний рай —
И перечень закрыт.

Рассудим — Первый может вместить
Целое — как свое —
Прочее — роскошь напоказ.
Вывод: Поэт — это всё!

Лето его ликует весь год.
Солнца его размах
Востоку покажется мотовством —
И если на небесах

И вправду — для благоверных —
Прекраснейший рай припасен —
Он слишком трудное счастье —
Чтоб оправдать этот сон.

* * *

Радость радужней всего
Сквозь кристалл мўки.
Прекрасно то — что никогда
Не дастся в руки.

Вершина дальняя горы
Вся в янтарях.
Приблизься — и Янтарь уплыл —
И там Заря.

* * *

Я голодала — столько лет —
Но Полдень приказал —
Я робко подошла к столу —
Дрожа взяла бокал.

Обжег мне губы странный сок!
Не раз на пир такой —
В чужое заглянув окно —
Я зарилась тайком.

И что же? Здесь все дико мне —
Привыкла горстку крошек
Я вместе с птицами делить
В столовой летних рощ.

Я потерялась — я больна —
С избытком не в ладу.
Не приживется дикий терн
В прекраснейшем саду!

Как ненасытен за окном
Отверженного взгляд!
Войдешь — и Голод вдруг пропал —
Ты ничему не рад.

* * *

Я для каждой мысли нашла слова —
Но Одна ускользает из рук —
Поддаться не хочет мне —
Словно мелом черчу Солнца круг

Для племен — возвращенных во Тьме.
А как начала бы ваша рука?
Разве Полдень пересказать лазуритом —
Или кармином Закат?

* * *

Ура! Отгремела буря —
Трое — достигли земли —
Тридцать — сглотнул кипящий Прибой —
Скалы подстерегли.

Салют — Скупому Спасенью —
Гуди — погребальный звон!
Соседей — друзей — братьев
Кружит воронка волн.

Хорошо вспоминать — как спасся —
Когда вихрь ломится в дверь —
Дети спросят —
«А эти тридцать —
Тоже дома теперь?»

Тут в глаза прольется молчанье —
И в повесть мягкий свет —
Дети — не спросят больше —
Лишь Море — даст ответ.

* * *

Все будет прежним вокруг тебя —
Весна придет в свой срок —
Созреет Утро и прорвет
Свой огненный Стручок.

В лесах зажегся дикий цвет —
Ручьи полны вестей —
И тренькает на банджо Дрозд —
Пока ты на Кресте.

Свершен неправый Приговор —
А вечер так же тих.
Разлука с Розой для Пчелы —
Вся сумма бед земных.

* * *

Другого я не прошу —
В другом — отказа нет.
Я жизнь предложила в обмен —
Усмехнулся Великий Купец.

Бразилию?
Повел бровями —
Пуговицу повертел —
«Но — сударыня — наш выбор богат —
Посетите другой отдел!»

* * *

Наш мозг — пространнее Небес.
Вложите — купол в купол —
И Мозг вместит весь небосвод
Свободно — с Вами вкупе.

Наш мозг — глубиннее Морей.
Пучину лей в пучину —
И он поглотит океан —
Как губка — щет кувшин.

Наш Мозг весомей всех Земель —
Уравновесит Бога —
С ним — фунт на фунт — сойдется —
Он звук — основа Слога.

* * *

Вот способ мой читать Письмо —
Запру сначала Дверь —
Пальцем подтолкну — потом —
Велю верней стеречь —

Подальше в угол отойду —
Чтоб не встревожил стук —
Письмо я выну не спеша —
Сургуч сломлю не вдруг —

На стену — на пол брошу взгляд —
Где жметя темнота —
Быть может — там укрылась Мышь —
Еще не заклята —

Вздохну — как бесконечна я —
Для всех знакомых — небыль —
Как Неба мне недостает —
Не ангельского Неба.

* * *

Я не могу быть с тобой
Ведь это — Жизнь —
А с нашей — кончено все —
За шкафом лежит.

Ризничий в темный чулан
Убрал под запор

Нашу Жизнь — словно чашку —
Брошенный фарфор.

Хозяйке нужен другой —
Новомодный севр —
Старый в трещинах весь —
Хрупкий товар.

Я не могу — быть с Тобой —
Даже в смертный миг.
Надо ждать — чтоб закрыть мне глаза.
Ты — не смог.

А я — мне стоять и смотреть —
Как стынешь Ты —
Без права на вдовью часть
Морозной тьмы?

Я с тобой не могу воспарить —
Потому что Твой лик
Затмил бы самого Иисуса —
Чужестранен и дик

Для моих доморощенных глаз.
Что мне райский чертог?
Ты бы поодаль в нем сиял
Чуть ближе — чем бог.

Они б нас судили — но как?
Ты служил небесам —
Или пытался верно служить —
Я — нет — знаешь сам.

Ты насытил зренье мое.
Я не искала — зачем? —
Это скарредное совершенство —
Именуемое Эдем.

Если небо осудит Тебя —
Это и мне приговор —
Хотя бы имя мое
Славил ангельский хор.

А если Ты будешь спасен —
Но меня удалят
Туда — где Тебя нет —
Вот он — худший ад!

Так будем встречаться — врозь —
Ты там — я здесь.
Чуть приотворена дверь:
Море — молитва — молчанье —
И эта белая снесь —
Отчаянье.

* * *

Боль зияет пустотами.
Ей не вспомнить — давно ли
Она родилась — и было ли время —
Еще не знавшее боли.

Она сама — свое будущее.
Попав в ее вечный круг —
Прошедшее зорко пророчит
Периоды — новых мук.

* * *

Имя твое — Осень —
Цвет твой — Кровь.
Артерии на склонах гор —
Вены — вдоль дорог.

В аллеях брызги киновари —
Алых капель дрожь —
Ветер уронил ведро —
И вдруг — пурпурный дождь.

Он крапом шляпы запятнал —
Он багровеет в плесах —
Как роза — взвихренный — плывет
На Огненных Колесах.

* * *

Мой дом зовется — Возможность —
Потому что Проза бедна.
У него Дверь величавей —
Воздушной — взлет Окна.
Комнаты в нем — кедры —
Неприступные для глаз —
Его вековая Крыша — кругом —
На фронтоны холмов оперлась.
Посетительницы — прекрасны.
Занятие? Угадай.
Распахну свои узкие руки —
Забираю в охапку рай.

* * *

Из всех рожденных в мире душ —
Я избрала одну.
Когда отсеется обман —
И чувства все уснут —

И то — что было — навсегда
Покинет то — что есть —
И драму краткую свою
Играть окончит Персть —

И будет стесана теслом
Теснин слепая мгла —
И все Вершины явят вдруг
Свет своего чела —

Тогда взгляните — вот он! Вот
Из множества — один.
Я Атом этот предпочла
Праху всех долин!

1863—1864

* * *

«Природа» — то, что мы видим:
Вечер — Гребни холмов —
Белка — Затмение — Мотылек —
Нет — ты Небо само!

Природа — тебя мы слышим:
Кузнечик — Пчела — Молния —
Ббболинк — Океан,
Нет — ты сама Гармония!

Природа — тебя мы знаем —
Но в слова — не вместим.
Не дотянется вся наша Мудрость
До твоей Простоты.

* * *

Эссенцию выжимает пресс.
Розу в каплю соберет
Не только работа многих Солнц —
Винта тугой поворот.

Увядают розы, но эта
Дождёт — в шифоньере старинном —
И вернет лето —
И юную леди —
Засыпанную розмарином.

* * *

Я возделала мертвый грунт —
И цветы поднялись —
И в каменном созрели Саду
Виноград и маис.

Подарит награду кремень
Неотступной руке.
Солнце Ливии — пальм семена
Оживит в песке.

* * *

Говорят — Время смягчает.
Никогда не смягчает — нет!
Страданье — как сухожилия —
Крепнет с ходом лет.

Время — лишь Проба горя —
Нет снадобья бесполезней —
Ведь если оно исцелило —
Не было — значит — болезни.

* * *

Победа приходит поздно —
Ее опускают к самым губам —
Скованным накрепко морозом —
Бессильным принять этот дар.
А раньше —
Как была бы сладка —
Если б хоть каплю одну!
Или бог до того экономен?

Стол его накрыт
Чересчур высоко для нас —
Надо обедать на цыпочках.

Крошки — для маленьких ртов.
Вишни насытят малиновок.
Их задушил бы
Золотой завтрак орла.
Бог не обманет воробьев —
Сдержит клятву свою —
Ведь они умеют
Ради маленькой любви — голодать.

* * *

Словно вдруг Океан разомкнулся
И второй — за ним — возник
И третий пробрезжил — в дальней дали —
Безумной гипотезы миг.
Моря — мириады морей —
Где берега не гостят —
Лишь порог океанов Грядущего.
Вечность — дорога твоя.

* * *

Жизнь — и Смерть — Гиганты —
Их не слышно — молчат.
А механизмы поменьше —
Всяк на свой лад —
Коник на мельнице —
Жук возле свечи —
Свистулька славы
Свидетельствуют — что Случай правит.

* * *

Публикация постыдна.
Разум — с молотка!
Скажут — бедность приневолит —
Голода аркан.

Что ж — допустим. Но уйти
С чердака честней —
Белым — к белому творцу —
Чем продать свой снег.

Мысль принадлежит по праву
Лишь тому — кто мог
Дать ее небесной сути
Телесный аналог.

Милостью торгуй господней —
Суда — под процент —
Но не смей унизить Гений
Ярлыком цены.

* * *

Прославлен в собственных глазах —
Вот прочный пьедестал.
На что теперь — оваций гул —
Фимиам похвал?

Бесславен в собственных глазах —
Но Кумир сердец —
Вот почесть не по чести
Призрачный Венец.

* * *

Измениться! Сначала — Холмы.
Усомниться! Солнце скорей
Под вопрос поставит — само —
Совершенство Славы своей.

Пресытиться! Раньше
Росой — Нарцисс.
Пресытиться — Вами?
Никогда — клянусь!

* * *

Порой поверю — близок Мир —
Но нет — опять далек —
Так в центре Моря — встал Мираж —
Гавань — Корабли —

И счастлив тонущий — но он
Мой повторит урок —
Как много ложных Берегов —
Призраков Земли!

* * *

Правдивейшая из Трагедий —
Самый обычный День.
Сказав заученные слова —
С подмостков сойдет лицедей.

Но лучше играть в одиночестве
Драму свою — и пусть
Сначала занавес упадет —
Пусть будет партер пуст.

Гамлет — все Гамлет — сам для себя —
Спор его — тот же спор.
Когда говорит Ромео с Джульеттой —
Не суфлирует Шекспир.

Человеческое сердце —
Сцена для вечной игры —
И только этот Театр
Владелец не вправе закрыть.

* * *

Раскаянье — это Память —
Разбуженная врасплох —
Присутствие давних Деяний
В окнах — и дверях —

Выставит Прошлое на обзор —
Спичкой воспламенит —
Чтоб легче признали мы Подлинность
Невероятных минут —

Раскаянье — безнадежный Недуг —
Сам Бог — не исцелит —
Ведь это его создание — и
Геенны эквивалент —

* * *

Оно упало в моих глазах —
Наземь — с таких вершин!
Брызнули черепки по камням —
На дне моей души.

Но кого обвинять мне? Подвох судьбы?
Не я ли сама берегла
Грошовую Имитацию —
На полке для Серебра?

* * *

Моя душа — осудила меня — я содрогнулась.
Алмазными языками поругана —
Все меня осудили — я улыбнулась —
Моя Душа — в то Утро — была мне другом.

Дружба ее закалит Презрение
К подвохам людей — козням времени —
Презренья ее! Лучше сжег бы меня
Палец эмалевого огня.

* * *

Стояла Жизнь моя в углу —
Забывшее Ружье —
Но вдруг Хозяин мой пришел —
Признал: «Оно — мое!»

Мы бродим в царственных лесах —
Мы ищем лани след.
Прикажет мне — заговорю —
Гора гремит в ответ.

Я улыбнусь — и через дол
Бежит слепящий блеск —
Как бы Везувий свой восторг
Вдруг пламенем изверг.

У Господина в головах
Стою — как часовой.
Не слаще пух его перин —
С ним разделенный сон.

Я грозный враг — его врагам.
Вдохнут — в последний раз —
Те — на кого наставлю перст —
Направлю желтый глаз.

Пусть он и мертвый будет жить —
Но мне — в углу — стареть —
Есть сила у меня — убить —
Нет власти — умереть.

* * *

Я Счастье получила в дар
Такой величины
Волшебной — что смешон обмер —
Довески не нужны!

То был предел моей мечты —
Зенит мятежных просьб —
Блаженство — в полноте своей —
Сытое — как Скорбь.

Приманки прежние бедны —
Голод мой затих
Пред новой ценностью в душе —
Суммой благ земных.

Густой багрянец помрачил
Нижний слой небес —
Жизнь через край перелилась —
Рассудок мой исчез.

Зачем скупится Радость —
Рай просит обождать —
Потоп в наперстке подают —
Я не спрошу опять.

* * *

Горы растут неприметно.
Тянутся — в высоту —
Без похвалы — понужденья —
Помощи и потуг.

Солнце — с открытым восторгом —
На их вершинах горит —
Последнее — долгое — золотое —
И с ними всю ночь говорит.

* * *

Он бросался в бой — не падая головы —
Отдавал себя пулям на корм —
Будто терять ему нечего —
Ни к чему оттягивать срок.

Он отчаянно Смерть добывал, но она
Обегала его стороной —
Как другие люди от Смерти бегут.
Он был к жизни приговорен.

Друзья — как хлопья — летели прочь —
Словно вихрь повернул метель —
А его бросал — обратно в жизнь —
Алчный порыв — умереть.

* * *

Из Туника — в Тупик —
Потеряна Нить —
Тащу Механические ноги —
Стоять — упасть — дальше брести —
Не все ли равно?

Достигнута цель —
И сразу же вдаль
Уходит неясным концом —
Я закрыла глаза — и ощупью шла —
Куда светлей — быть Слепцом.

* * *

Предчувствие — длинная Тень — косая —
Знак — что Солнце зайдет — угасая.
Напоминая притихшим цветам —
Что скоро набежит Темнота.

* * *

Истина — неколебима!
Дрогнут земные недра —
Дуб разожмет кулаки —
В сторону прынет кедр —

Гора к чужому плечу
Головой припадет — ослабев —
Как прекрасен тогда Великан —
Он сам — опора себе!

Истина — исполински мощна!
Смело в нее поверь —
И она не только устоит —
Любого подымет вверх.

* * *

Бог каждой птице дал ломоть —
Мне — кроху — вот и все!
Почать ее не смею я.
Роскошество мое

Мучительное — поглядеть —
Потрогать — чуть дыша —
Мой хлебный шарик — подвиг мой —
Мой воробьиный шанс.

В голодный год не надо мне
Ни одного зерна —
Так яствами богат мой стол —
Так житница полна!

Шах копит золото — набоб
Лелеет свой алмаз.
Есть только кроха у меня —
Но я — богаче вас.

* * *

Гигант в кругу пигмеев
Пригнется — он смущен —
Свое величие от них
Стыдливо прячет он.

Но как спокойна мелюзга!
Не сознает Москит —
Что Парус крошечный его
Неба не вместит.

* * *

Этот тихий прах — джентльмены — леди —
Девушки — юнцы —
Смех — и блеск дарований — и вздохи —
Локонов венцы.

Этот сонный приют — хоромина лета.
Пчелы — пряный цвет —
Завершат свой круг — богаче Леванта —
И уйдут — вослед.

* * *

С налету стал трепать траву
С глухим рычаньем Ветер,
Угрозу бросил он земле —
Небу пригрозил.
С зацепок листья сорвались —
Дорогу взял испуг —
Пыль выгребла сама себя
И встала дыбом вдруг —
Громаду гром поворотил —
И Молния — сквозь коготь —
Просунула свой желтый клюв —
Свой лиловый коготь.
Все птицы в гнездах заперлись —
В коровниках — стада.
Упала капля тяжело
Гигантского Дождя.
Он вырвался — плотину прочь! —
Небо — наповал!

Но проглядел мой отчий дом —
Лишь дуб четвертовал.

* * *

Малиновка моя!
Набор ее вестей
Прерывист — краток — тороплив —
Лишь март прогонит снег.

Малиновка моя!
Трель ангельских щедрот
Затопит полдень с головой —
Едва апрель придет.

Малиновки моей
Молчание — пойми:
Нет лучше верного гнезда —
Святости семьи.

* * *

Невозможность — словно вино —
Подхлестывает кровь
С каждым глотком. Возможность
Пресна. Но к ней добавь

Случайности хоть каплю —
И проникнет в смесь
Очарованья ингредиент
Так же верно — как смерть.

* * *

Мой — всегда!
Довольно вакаций!
Света учебный год
С этого дня начался — безотказно
Точный — как солнцеворот.

Счастье старо — избранники новы.
Стар — бесспорно — Восток.

Но на его пурпурной программе
Впервые каждый Восход.

* * *

Конечен проигрыш — дерзанье бесконечно.
Один корабль красуется в порту —
Но сколько доблестных сокрушено Созданий —
Им не взлететь с волной на высоту.

* * *

Сомнение — «Я ли это?» —
Даруется на срок —
Пока потрясенный Разум
Опору ищет для ног.

Защитная ирреальность —
Спасительный мираж —
Чтоб жить еще могли мы —
Приостановят Жизнь.

* * *

Вскройте Жаворонка! Там Музыка скрыта —
Лепесток в лепестке из серебра.
На нее скупятся для летнего утра.
Она про запас —
Когда Лютня стара.

Ототкните поток! Он насквозь неподделен.
Из горла бьет за струей струя.
Багровый опыт!
Теперь ты веришь —
Фома — что подлинна птица твоя?

* * *

Я ступала с доски на доску —
Осторожно — как слепой —
Я слышала Звезды — у самого лба —
Море — у самых ног.

Казалось — я — на краю —
Последний мой дюйм — вót он...

С тех пор у меня — неуверенный шаг —
Говорят — житейский опыт.

* * *

Поэт лишь лампу зажжет —
Он сам — погаснет —
Но если огонь Фитиля
Шлет Жизненный Свет

Трудясь по методу Солнц —
То Линза времен
Рассеет Пространство его
На весь небосклон.

* * *

Вездесущее серебро —
Канат из песка — петлей —
Чтоб не стереть тропу —
Величаемую землей.

* * *

Испытали наш горизонт —
И снова в полет —
Как птицы — пока не найдут
Своих широт.

Воспоминанье о них —
Вечный восторг —
Но ожидание — Риск —
Игральная кость.

* * *

Когда вижу — как Солнце встает
Над грядой потрясенных вершин —
Ставит День у каждой дверей —
В каждом месте Деянье свершит —

Без аккомпанемента похвал —
Без шумихи на каждом шагу —
Мне кажется — Земля-Барабан —
За которым мальчишки бегут.

* * *

Я слышу — шепчутся листья —
О — сколько глаз и уст!
Каждый ствол стал Часовым —
Колоколом — куст.

Во тьме пещеры скрылась я —
Но выдала стена.
Разверзся — трещиной — весь мир —
Стою — обнажена.

* * *

Шлем из чистого золота.
Шпоры — легчайший газ.
Нагрудник — цельный оникс —
Латы — узорный агат.

Труд Пчелы — это Песня —
Мелодией льется лень.
О, так бы и мне по капельке пить
Клевер и летний день!

* * *

Если сердцу — хоть одному —
Не позволю разбиться —
Я не напрасно жила!
Если ношу на плечи приму —
Чтоб кто-то мог распрямиться —
Боль — хоть одну — уйму —
Одной обмирающей птице
Верну частицу тепла —
Я не напрасно жила!

* * *

Это благородная Мысль —
Перед ней — шапку долой —
Словно на будничной улице
Возник — внезапный Король.

Есть вечность в непрочном мире —
Где пирамиды — в труху —
Где царства — червоннопадом —
Катятся в траву.

* * *

Худшее тем хорошо —
Случается только раз —
Когда самый дальний Камень
Вдогонку метнет Судьба —

Спокойно — калека — вздохни —
Повремени на просторе —
Олень к себе манит — пока
Сопротивляется — Своре —

* * *

Пурпур дважды бывает в моде:
Когда наступит сезон —
И когда постигнет Душа
Свой императорский сан.

1865—1877

* * *

Листья — словно сплетницы —
Подсказка — экивок —
Многозначительный намек —
Таинственный кивок.

Клянутся соблюсти секрет
И шепчутся опять —
Ненарушимый договор
Всё гласности предать.

* * *

Видишь — белое время пришло.
Зеленое — кануло в тень.
Кто помнил — тогда — Метель?
Кто видит — теперь — Сирень?

Осталось — глядеть назад —
Чтоб в будущее попасть.
Память — половина надежд.
Быть может — лучшая часть.

* * *

Что предпочесть?
Это небо
Или небо в раю —
Со старой припиской сомненья?
Невольню я говорю —

Лучше эта «Птица в руках» —
Чем две — в чаще кустов.
То ли там прячутся —
То ли нет —
А поздно выбрать вновь.

* * *

Умирили такие люди —
Что смерть мы спокойно встретим.
Жили такие люди —
Что мост перекинут к бессмертью.

* * *

Судьба сразила его — он стоит —
Бьет насмерть — не сбила с ног —
Вонзила отравленную сталь —
А он — обезвредил клинок.

Жалит его — он шагает вперед —
Грызет — он ускорил бег.
Когда же спокойно взглянул на нее —
Признала: «Он — человек!»

* * *

Природа скупа на Желтое —
Копит его с утра
Для солнечного заката —
На Синее — щедро!

Пурпур транжирит — как женщина —
Но тратит едва-едва
Желтое —
Робко — бережно —
Как влюбленный — слова!

* * *

Я не видела Вересковых полей —
Я на море не была —
Но знаю — как Вереск цветет —
Как волна прибоя бела.

Я не гостила на небе —
С богом я не вела бесед —
Но знаю — есть такая Страна —
Словно выдан в кассе билет.

* * *

Вчитался — чуть не упал —
Бросил петлю вниз —
В Прошлом — в тот Период —
Цеплялся — бессильно — за смысл —
Ослеп — перед чем? Перед...

Пошарил — на ощупь — есть ли бог?
Вернулся — на ощупь — в себя самого —
Погладил курок рассеянно —
Побрел — из жизни прочь.

* * *

Отомкни затворы — о Смерть —
Дай войти усталым стадам.
Свет их странствий померк —
Смолкло бляенье навсегда.

У тебя тишайшая Ночь.
У тебя Сновиденья забывчивы.
Звать тебя? Ты слишком близка.
Все сказать? Слишком отзывчива.

* * *

Новый эксперимент —
Каждый — кто встретится мне.
Есть ли в нем сладкое ядрышко?
Внешность ореха вполне
Выглядит убедительно —
К ветке взор приманя.
Но начинка в нем — это корм
Для белки и для меня.

* * *

Небо — низменно — Туча жадна —
Мерзлые Хлопья — на марше —
Через сарай — поперек колеи —
Спорят — куда же дальше.

Мелочный Ветер — в обиде на всех —
Плачется — нелюдимый.
Природу — как нас — можно поймать —
Врасплох — без Диадемы.

* * *

И кокон жмет — и дразнит цвет —
И воздух приманил —
И обесцenen мой наряд
Растущим чувством крыл.

В чем сила бабочки? Летит.
Полет откроет ей
Дороги легкие небес —
Величие полей.

И я должна понять Сигнал —
Расшифровать Намек —
И вновь плутать — пока учу
Верховный мой урок.

* * *

Запел сверчок
И закат зажег —
Мастера дошили день в срок —
Стежок — и еще стежок.

Роса огрузила травы подол.
Сумрак застенчивый долго-долго
Шляпу вертел в руках — и гадал —
Войти или нет в дом?

Пришли — как соседи — Ширь без конца —
Мудрость — без имени и лица —
Покой накрыл весь мир — как птенца —
Так началась Ночь.

* * *

Всю правду скажи — но скажи ее — вкось.
На подступах сделай круг.
Слишком жгуч внезапной Истины луч.
Восход к ней слишком крут.

Как детей примиряет с молнией
Объяснений долгая цепь —
Так Правда должна поражать не вдруг —
Или каждый — будет слеп!

* * *

Всю ночь вязал Паук
Без света — без помощи рук —
На белом белый круг.

Рюшка на дамский рукав
Или саван для гнома готов —
Себе лишь скажет — без слов.

Стратегия его —
Бессмертия мастерство:
Он чертит — себя самого.

* * *

День с маху бросила навзничь —
Примяла ранняя Ночь —
В глубокий Вечер он уронил
Лоскут — окрашенный в Желчь —
Ветер воинским маршем пошел —
Листья сбегали в обоз —
Гранитную шляпу Ноябрь
Повесил на плюшевый гвоздь.

* * *

Кто — после сотни лет —
С этим местом знаком?
Агония горя теперь
Недвижна — как покой.

Сорняк — в триумфальном строю.
Прохожий прочтет — дивясь
Орфографии старших имен —
Их одинокую вязь.

Лишь ветер летних полей
Сюда проторил тропу.
Инстинкт поднимает ключ —
Что бросила память — в траву.

* * *

Как много гибнет стратагем
В один вечерний час —
И не заметишь — не поймешь —
Что мимо пронеслось.

На шаг — на ширину ножа
С обычного пути
Сошел —
И не был человек
Ограблен и убит.

Любовь —
Соперника страшась —
Бежала от дверей —
Стоял лениво — возле них —
Конь — неизвестно чей.

* * *

Волшебство — это Геометрия —
Так думает Чародей —
Но его простейший чертеж —
Чудо в глазах людей.

* * *

Тучи уперлись — спина к спине.
Север мышцы напряг.
Леса в галоп — и загнали себя.
Молния — мышью — шмыг.

Гром обрушил громаду горы.
Хороша могильная мгла!
Ничто не страшно: ни буйство гроз —
Ни камень из-за угла.

* * *

Оранжевая вилка —
Нож — книзу острием.
Роняет Молнию рука

В небесном доме том —
Что нам не явлен до конца
И до конца не скрыт.
Незнание видит лишь прибор —
А стол — во тьме накрыт.

* * *

Мы любим отчаянный Риск.
Как припомнишь потом —
Словно ветра вердикт
Душу знобит холодком.

Меньше бы ставка была —
Щупальца давних Гроз —
Так не хватали б нас
За самые корни волос.

* * *

Мы не знаем — как высоки —
Пока не встаем во весь рост —
Тогда — если мы верны чертежу —
Головой достаем до звезд.

Обиходным бы стал Героизм —
О котором Саги поем —
Но мы сами ужимаем размер
Из страха стать Королем.

* * *

Надежда была — я робел.
Надежда ушла — я посмел.
Повсюду всегда один —
Словно церковный шпиль.
Злодей — не сокрушит —
Змей не соблазнит.
Ты с трона низложишь Рок —
Если был он к тебе жесток.

* * *

У памяти есть Фасад —
Есть у нее черный ход —
По лестнице вверх — Чердак —
Где мыши и старый комод.

И есть глубочайший Подвал —
Мили и мили вниз.
Берегись — чтоб его глубины
За тобою не погнались!

* * *

Прошлое — нет существа странней.
Глянешь в упор —
И тебя ожидает восторг
Или позор.

Безоружный — встретишь его —
Беги — во всю прыть!
Заржавленное ружье
Может заговорить.

* * *

Потеха в балагане —
Зрители сами.
Зверинец для меня —
Моих соседей круг.
Пошли — компанией — смотреть
На «Честную игру».

* * *

Поучал: «Будь широк!» Стало ясно — он узок.
Мерка — только стеснение уму.
Правде он поучал — стало ясно — обманщик.
Правде — вывеска ни к чему.

Простоту презрела елейная святость.
Золото колчедан отверг.
Как смутил бы наивного Иисуса
Столь возвышенный человек!

* * *

Улетел бы от памяти
Куда глаза глядят
Самый медлительный
Если б стал крылат
Видят птицы с испугом
Толпы бросились в бег
От глубин человеческих
Побежал человек

* * *

Нарастать до отказа как Гром
И по-царски рухнуть с высот —
Чтоб дрожала Земная тварь —
Вот Поэзия в полную мощь
И Любовь —
С обеими накоротке —
Ни одну не знаем в лицо.
Испытай любую — сгоришь!
Узревший Бога — умрет.

* * *

Молчание — вот что страшно!
Есть Выкуп в Голосах —
Но Молчанье — сама Бесконечность —
Нет у него Лица.

* * *

На страницу небрежно упали Слова —
Но могут Сердце зажечь —
Когда — как ветошь — убран в сундук —
Их одряхлевший творец.

Плодится инфекция в каждой строке —
Отчаянье вновь живет —
Стеной столетий отделено
От малярийных вод.

* * *

Нет лучше Фрегата — чем Книга —
Домчит до любых берегов.
Нет лучше Коня — чем страница
Гарцующих стихов.

Ни дозоров в пути — ни поборов —
Не свяжет цепью недуг.
На какой простой колеснице
Летит человеческий Дух!

* * *

Да разве Небо — это Врач?
Твердят — что исцелит —
Но снадобье посмертное —
Сомнительный рецепт.

Да разве Небо — Казначей?
Твердят — что мы в долгу —
Но быть партнером в сделке —
Простите — не могу.

* * *

Паук — великий мастер —
Признанья не найдет —
Могли б удостоверить
Размах его работ
Все метлы и все Марты
Везде — в любом дому.
Сын гения забытый —
Дай руку тебе пожму!

* * *

Пусть лето скроется поздней —
Чем родился Сверчок —
Но тихие звенят Часы —
«Минул летний срок».

Пусть раньше — чем придет Зима —
Сверчок уходит в темень —
Но мерит грустный Маятник
Таинственное Время.

* * *

Я думаю — Корень Ветра — Вода —
Голос слишком глубок —
Этих арий небесный Эфир
Породить бы не смог —
Словно отзвук Атлантики
Сквознячок входит в дом —
Как присутствие моря
В Атмосфере кругом —

* * *

Не палица разбивает Сердце —
Не стальной кулак.
Маленький хлыст — не увидишь
И не скажешь как —
Стегал Магическое создание —
По каплям — смерть.

Но громкое имя хлыста
Кто б назвать посмел?
Как Птица великодушна!
Мальчишка метнул — забыл.
А Птица Камню поет —
Тому, что ее убил.
Стыд на такой Земле.
Может ходить — не таясь.
Стыд — распрямись во весь рост!
Вселенная — твоя!

* * *

Что лучше — Луна или Полумесяц?
«Лучше то — чего еще нет.
Свершите — и глянec сотрется» —
Луна сказала в ответ.

Не для хранения высшая Зрелость —
В ней Распад сокрыт.
Знай — Совершенство опасно —
Как Призма — лучи дробит.

* * *

Хмелеть весной — развеселясь —
Полезно и для Короля —
Когда весь мир в зеленом —
Но как же смеет жалкий Шут
Сей грандиознейший Этюд
Судить — своим законом?

* * *

Боюсь мой вдохновенный сон
Авророй запятнать —
Весь день я призываю ночь —
Чтоб он пришел опять.
Внезапно — Сила сходит к нам.
Скрыл наготу твою
Лишь Удивления наряд —
Праматерь — там — в раю.

* * *

Оратор покидает
Свой пруд — дворец —
Прыгнет на корягу
И держит речь.
Ему два мира внемлют.
Я — стороной.
Апрель — он с хрипотцою —
Вития твой!
Он натянул митенки
На пальцы ног —
Весь долгий спич — как Слава —
Всплеск — пузырек.
Но тсс! Аплодисменты —
Опасный риск!
Вмиг Демосфен исчезнет
В фонтане брызг.

* * *

Годы в разлуке — провал — но
Секунда его зачеркнет —

Исчезновенье колдуньи
Не снимет действия чар.

Если Пепел тысячи лет
Разворошит Рука —
Что некогда пестовала Пламя —
Вспыхнет глаз Уголька.

* * *

На него возложите лавры —
Он был слишком правдив для Славы.
Лавр бессмертный — затмись — посрамлен.
Тот — кем ты пренебрег — это Он!

* * *

Послышалось — улицы бегут —
Застыли вдруг на лету —
Затмение застлало окно —
Ужас унес в пустоту.

Когда ж самый смелый выглянул —
«Что́ Время? — Еще здесь?» —
Природа в синем переднике
Свежих струй взбивала смесь.

* * *

Колодец полон тайны!
Вода — в его глуши —
Соседка из других миров —
Запрятана в кувшин.

Не видим мы ее границ —
Лишь крышку из стекла.
Ты хочешь в Бездну заглянуть?
Здесь — рядом — залегла.

Я удивляюсь каждый раз
Мужеству травы.
Прильнет к тому — что нас страшит —
В неизвестное обрыв.

Но морю тростники сродни —
Глядят в него в упор.
И лишь для нас Природа
Чужая до сих пор.

Другой всё знающий о ней —
Как бы ее посол —
В дом — полный привидений —
Ни разу не вошел.

Но кто — по правде говоря —
С ней коротко знаком?
Ведь мы тем дальше от нее —
Чем ближе подойдем.

1878—1885

* * *

О — Гусеницы мягкий шаг!
Вот на руке одна —
Рожденной в бархатных мирах
Подвластна тишина.

Медлителен мой взгляд земной —
А у нее дела —
Спешит дорогою своей —
На что я ей далась!

* * *

Мысль находит слова только раз —
Праздник не каждого дня —
Как тайный глубокий глоток
Пресуществленного вина.

Но оно так знакомо — так «быть по сему» —
Такое с ним родство —
Что не вдруг понятны — его цена —
Неповторимость его.

* * *

Правда живучей солнца —
Летуче мненье людей —
Если надо выбрать одно из двух —
Избери то — что древней.

КОЛИБРИ

Дорога мимолетности —
Вихрь крошечных колес —
Брызги изумруда —
Рубина резонанс.

Цветы пригладят пряди
Взлохмаченных волос.
«Почта! Из Туниса?
Короткий перегон!»

* * *

Небо увидеть летом —
Это и значит
Стать поэтом.
Поэзия в книгах — мертвый клад.
Настоящие стихи летят.

* * *

Друг с другом — друг о друге
Мы говорили без слов —
Слушая дикую гонку секунд —
И копыта часов.

При виде наших застывших лиц
Смягчился Времени взгляд —
Каждый из нас получил свой ковчег —
Взошел на свой Арарат.

* * *

Славу долго никто не удержит —
Владелец ее умрет —

Или — выше любой оценки —
Стремит непрерывный взлет —
Или он — неоплатный должник —
Электрический Эмбрион —
Молния в зародыше —
Но нам подавай огонь!

* * *

Дряхлеет понемногу враг.
Теперь не в радость Мечь.
Притуплен Ненависти вкус.
Свежинку хочешь есть —
Спеши!
Жаркое упорхнет —
Остынет с ходом дней.
Насытись — Гнев закроет зев —
Некормленный — тучней.

* * *

Как счастлив Камешек — бродяжка —
Ему в Пути везде поблажка —
Ни Обязательств — ни Забот —
Карьеры Честь не увлечет —

Свою коричневую Мать
Вселенной встречной он отдаст —
Как Солнце сам свой господин
Войдет в союз — горит один —
Всемирного закона строй
Верша с небрежной простотой —

* * *

Одуванчика бледная трубка —
Изумленья травы —
И Зимы уже нет — улетает
Беспредельным «увы»!

Раскрывает сигнальный бутон
Свой кричащий венец —
Прокламация Солнц — о том —
Что гробнице конец.

* * *

Он жил в кольце засад
И в сторону Тьмы ушел —
А теперь его имя курсивом —
И звездочки ореол.

А теперь и мы неприступны —
Нашим родством горды.
Все бессмертие — как в траншее —
В знаке звезды.

* * *

Из всех темниц — как стая птиц —
Летит толпа детей.
Единственный счастливый день —
Когда — замки с дверей.

Поля в плену! Лес оглушен!
Блаженств идет набег.
Увы! И на таких врагов —
Седых бровей навет.

* * *

Если неба не сыщем внизу —
Вверху мы его не найдем.
Ангел на каждой улице
Арендует соседний дом.

* * *

Модель для Солнца одна —
Лишь для него годна.
Блеск должен сделаться Диском —
Чтоб Солнце отформовать.

* * *

Когда-то — в предсмертный миг —
Знали — ведет напрямик
В Божью Десницу стезя —
Но эта Рука ампутирована
И Бога найти нельзя —

Низложение Веры
Наши дела мельчит —
Лучше блуждающий огонек —
Чем ни просвета в ночи —

* * *

В морщинках крылья —
Тусклый цвет

Невспаханных полос.
Для нас Летучей мыши писк
На песню не похож.

Вдруг половинкою зонта
Прочертит небосклон.
Непостижимую дугой
Философ восхищен.

Какого эмпирея дочь —
Или — исчадьё тьмы —
Какую пагубу таит —
Не разгадаем мы.

Но хитроумного творца
Похвалим мастерство.
Поверьте — благодетельны
Чудачества его.

* * *

Колдовство вешали в старину —
Но история — вместе со мной —
Вдосталь находит Колдовства
Каждый день — у себя под рукой.

* * *

Он пил и ел золотые слова —
Душа набиралась сил —
И он забыл — что убог и нищ —
Про смертный удел свой забыл.

Он плясом пронесся — сквозь тусклые дни —
И этих крыльев размах
Был только Книгой.
Какую Свободу
Дарит раскованный Дух!

* * *

Раздался Ветра трубный зык.
Траву примяла дрожь.
Зеленый Холод в жаркий день
Вонзил предвестий нож —
Как изумрудный призрак встал —
Грозя — к окну приник.
Судьбы горящий мокасин
Погнался — и настиг.

Увидели глаза живых —
Как задышался лес —
Как смыла улицы река
И вихрь на вихрь полез.
И прочь рвалась колоколов
Клокочущая весты!
Но что́ пришло —
И что́ ушло! —
А Мир — как был — так есть.

* * *

Птица прыгнула в седло
И — миновав барьер
Тысячи лесных вершин —
Нашла сухую жердь —
И — горлышко закинув вверх —
Такую россыпь нот —
Мотовка — бросила — что мир
Все в чувство не придет.

* * *

«Прости нас!» — молим мы
Того — кто нам невидим.
За что? Он знает — говорят —
Но нам наш грех неведом.
В магической тюрьме —
Всю жизнь на свет не выйдем! —
Мы счастье дерзкое браним —
Соперничает с Небом.

* * *

Мир — обнищенный их отъездом —
Ищет ветошь по сходной цене —
Но прокормит его лишь собственный дух —
Боги — спивки на дне.

* * *

Даже не вздрогнул счастливый Цветок —
Он так был захвачен игрой —
Когда его обезглавил Мороз —
Случайной власти герой.

Белокурый убийца дальше идет —
А Солнце — бесстрастное — строго —
Начинает отмеривать новый день —
Для попустившего бога.

* * *

Приметив Пробку — Пьяница
Уж предался мечте.
Шатаюсь я иду домой —
Муха в Зимний день
Разбередила в памяти
Тропические сны.
Тот — кто по каплям пьет Восторг —
Не заслужил Весны.
Щедрей нектара усладит
Радости струя —
Вы — знатоки тончайших вин —
Спросите-ка Шмеля!

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ СОХРАНИВШИЕСЯ В АВТОГРАФАХ.
ДАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

* * *

Слава! Гибельный блеск —
Что на одно мгновенье
Означает Силу и Власть.
Отогреет чье-то бедное имя —
Никогда не знавшее солнца —
Потом разожмет пальцы —
И даст — в забвенье — упасть.

* * *

Западня — но сверху небо огня.
И небо впрыток —
И небо вдогон —
И все-таки Западня —
Прикрытая небом огня.

Вздохнуть — значит соскользнуть —
Взглянуть — это значит упасть —
Замечаться — обрушить устой —
На котором держится пласт.
А! Западня — и небо огня.

Глубина — вся мысль моя поглощена.
Я не вверюсь ногам своим —
Это сдвинет нас. А мы сидим
Так прямо.
И кто бы подумал сейчас —
Что внизу Западня — Западня —
Не слышно дна — и не видно дня.
Провал и все ж круговая цепь —
Семя — Лето — Склеп.
Рок — сужденный кому?
Почему?

* * *

Если б жизни скупая длина
Могла подчеркнуть свою сладость —
Люди вседневных забот
Были б радостью оглушены.

Она бы сломала зубцы —
На которых вращается разум —
Эзотерический пояс —
Что нас от безумья хранит.

* * *

Любовь на свете может все —
Лишь мертвых не вернуть —
Вернула б силою своей —
Да подводит плоть.

Усталая — спала Любовь —
Голодная — паслась —
Добычу лучезарный флот
Унес — и скрылся с глаз.

* * *

Дважды жизнь моя кончилась —
Раньше конца —
Повторится ли — знать хочу —
В третий раз — такое Событие —
Даже Вечности не по плечу —

Огромное — ни понять — ни объять —
В бездне теряется взгляд —
Разлука — все — что мы знаем о Небе —
Все — что придумал — Ад.

* * *

Сердцем моим горда — оно разбито тобою.
Болью моей горда — из-за тебя терплю.
Ночью моей горда — ты ее утолил луною.
Отреченьем моим — страсти твоей не делю.

Нет — не хвались — что один — как Иисус —
ты остался
В час — когда чаша скорбей тобой была испита.
Ты проколоть не смог пустопорожний обычай.
Крест твой пошел с молотка в счет моего креста.

* * *

Главнейшие народы мира
Малы на взгляд.
Для них всегда открыто небо —
Не страшен ад.

Но много ль скажут любопытным
Их имена?
Народами шмелей — и прочих —
Трава полна.

* * *

Как сдержанно таит в себе —
Не выдает вулкан
Багрянец замыслов своих —
Недремлющий свой план.

Зачем же — люди — нужен нам
Слушатель случайный —
Когда природа в тишине
Вынашивает тайны?

Ее молчания укор
Болтливых не проймет —
Но и они хранят секрет:
Бессмертие свое.

* * *

Из чего можно сделать прерию?
Из пчелы и цветка клевера —
Одной пчелы — одного цветка —
Да мечты — задача легка.
А если пчелы не отыщешь ты —
Довольно одной мечты.

* * *

Здесь лето замерло мое.
Потом — какой простор
Для новых сцен — других сердец.
А мне был приговор
Зачитан — заточить в зиме —
С зимою навсегда —
Невесту тропиков сковать
Цепями с глыбой льда.

* * *

Печальнейший — сладчайший хор —
Безумнейший — растет.

Так ночь весной
Под гомон птиц
Готовит свой исход.

Март и Апрель —
Меж двух границ
Магический предел.
Там дальше
Медлит летний срок —
Мучительно несмел.

Припомнить спутников былых
Сейчас — больней всего.
Они дороже стали нам —
Разлуки колдовство.

Подумать — чем владели мы —
О чем скорбим теперь!
Молчите — горлышки сирен!
Закрыта к мертвым дверь!

Способно ухо — как ножом —
По сердцу полоснуть —
Ведь сердце глухо — но к нему
Сквозь слух короткий путь.

* * *

То — что Любовь: — это все —
Вот все — что мы знаем о ней —
И довольно!
Должен быть груз
Приноровлен к силе тяжей.

* * *

Голосов природы не счесть —
Там — где они не звучат —
Неведомый нам Полуостров —
Красота — вещественный факт.

Но от лица всех Морей —
И от лица всех Земель
Свидетельствует Сверчок —
Он — элегий предел.

КОММЕНТАРИИ

Эмили Дикинсон не готовила своих стихов для печати. Датировка, прочтение и точная реконструкция стихов Эмили Дикинсон в их первоизданном виде поставила перед текстологами и исследователями ее творчества ряд трудных задач.

Стихи не имеют заглавий, но, посылая стихотворение в письме, Эмили Дикинсон иногда ставила заглавие, чтобы облегчить понимание: «Снег» («Он сеет — сквозь свинцовое сито...»), «Колибри» («Дорога мимолетности...»).

Эмили Дикинсон создала систему записи стиха, уникальную в американской поэзии. Очень большую роль играет знак тире. Расчленяя стих, знак паузы — тире — содействует его большей выразительности и ритмическому разнообразию. Для унификации текста эта система применена нами и в тех стихотворениях, которые не сохранились в автографах.

Нередко один стих делится на две строки. Ключевые слова, несущие особенно сильную

смысловую и эмоциональную нагрузку, выделяются заглавными буквами.

Переводы выполнены по наиболее компетентному американскому изданию: «The Poems of Emily Dickinson», edited by Thomas H. Johnson, Harvard University. Cambridge, Massachusetts, 1963, в трех томах, а также «The Letters of Emily Dickinson» в том же издании, 1958, в трех томах.

«Вот все — что я тебе принесла!..» (стр. 26). — Стихотворение, видимо, было послано вместе с цветами.

«П о д р у г а п о э т о в — О с е н ь п р о ш л а...» (стр. 37). — *Пропали мистера Брайанта астры...* — Брайант Уильям Каллен (1794—1878) — известный американский поэт. ...*Мистера Томсона снопы...* — Томсон Джеймс (1700—1748) — английский поэт. Создал знаменитую поэму «Времена года», очень популярную в Амхерсте. Слово «мистер» вносит нотку юмора в стихотворение. *Месмерические пальцы* — гипнотические пальцы.

«Как изменился каждый холм!..» (стр. 38). — ...*Тирийский свет наполнил дол...* — Тир — город в древней Финикии. Тирийский

пурпур — красная краска типа кармина, добывавшаяся из морских моллюсков. *Шантеклер* (фр.) — петух. ...*Конец сомненьям — Никодим!* — Согласно евангельской легенде Никодим, один из иудейских фарисеев, усомнившихся в словах Христа, спросил: «Как может человек родиться вновь, будучи стар?» Он не понимал, что речь шла о духовном возрождении.

«Я узнáю — зачем?..» (стр. 45).— *Он расскажет — как Петр обещанье нарушил...*— Как гласит евангельская легенда, Христос предсказал апостолу Петру, что тот трижды отречется от него, прежде чем на рассвете пропоет петух.

«Я пью из жемчужных кружек...» (стр. 46).— ...*Из Мансанильи идет!*— Мансанилья — род вина, типа портвейна. Эмили Дикинсон, возможно, имела в виду Мансанильо — порт на Кубе, откуда вывозился ром.

«Укрыта в покоях из алебастра...» (стр. 47).— Одно из самых знаменитых стихотворений Эмили Дикинсон. Мертвенно-белый цвет алебастра здесь имеет символическое значение. Дикинсон изображает кладбище, где похоронены люди, которые верили, что в день Страшного

суда воскреснут из мертвых. Они лежат в гробах, высланных атласом, под гранитными плитами. Во второй строфе она образно рисует огромный космос. *Полумесяц млечный* — Млечный путь — наша галактика, которая представляется глазам в виде изогнутой арки. Все живое падает маленькими точками на диск из снега. Снова возникает белый цвет, на этот раз смягченный цвет снега, как символ природы.

«М и л ы й — п р о ч т и — к а к д р у г и е...» (стр. 50).— Видимо, имеется в виду каноническая у пуритан «Книга мучеников» Фокса, впервые издана на латинском языке в 1559 г. история христианской церкви с древних времен. В книге рассказывается о жестоких преследованиях и казнях пуритан в царствовании Марии Тюдор (1553—1558), прозванной «Кровавая».

«З а м ш е л а я р а д о с т ь к н и ж н о й д у ш и...» (стр. 65).— *Платон* (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа. *Софокл* (ок. 496—406 гг. до н. э.) — великий драматург Древней Греции. *Сафо* (Сапфо) — древнегреческая поэтесса VII—VI вв. до н. э. ...*Беатриче по улице шла // В том платье — что Данте обо-*

жествил?..— Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт, в своей книге «Новая жизнь» (1292) рассказал о том, как он встретил Беатриче, которая шла по улице в платье «благороднейшего алого цвета».

«Ц и в и л и з а ц и я г о н и т Л е о п а р д а...» (стр. 76).— Изречение, заимствованное из Библии, гласит: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои? Так и вы можете ли делать доброе, привыкли делать злое?» (Книга пророка Иеремии, гл. 13, стих 23).

«З а в и д у ю в о л н а м — н е с у щ и м т е б я...» (стр. 77).— *За все алмазы Писарро...*— Писарро Франсиско (ок. 1471—1541) — испанский конкистадор, завоевавший в 30-х годах XVI в. государство инков, находившееся на территории нынешней республики Перу в Южной Америке. *Но я на цветок наложу интердикт...*— В средние века римско-католическая церковь в виде наказания налагала на города, области и даже на целые страны интердикт, запрещавший совершать богослужения в церквях и исполнять религиозные обряды. ...*Архангела — и меня...*— Имеется в виду архангел Гавриил, который, согласно

евангельской легенде, возвестил деве Марии, что у нее родится сын.

«Вскройте Жаворонка! Там Музыка скрыта...» (стр. 116).— Здесь, как можно думать, Эмили Дикинсон изобразила трагическую судьбу поэта, стихи которого станут известны только после его смерти. *Теперь ты веришь — Фома...*— Апостол Фома не верил, что Иисус Христос мог воскреснуть из мертвых. Он сказал: «Если не увижу на руках его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его — не поверю».

«Боюсь мой вдохновенный сон...» (стр. 142).— *Внезапно — Сила сходит к нам.*— Сила — бог, божественное озарение. В Библии (Книга Бытия) есть миф о том, что первые люди на земле, Адам и праматерь Ева, до своего грехопадения жили в раю, еще не нося одежд. Американский философ и поэт Р.-У. Эмерсон (1803—1882) считал, следуя древнегреческой традиции, что удивление — первая ступень познания. В стихотворении Эмерсона «Мерлин» поэт восходит ввысь «по лестнице удивления».

«О р а т о р п о к и д а е т...» (стр. 143).— Стихотворение содержит момент аристофановской сатиры: политиканы того времени с их недолгой славой уподобляются квакающим лягушкам. *Вмиг Демосфен исчезнет...*— Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий оратор.

«О н ж и л в к о л ь ц е з а с а д...» (стр. 151).— ...*И звездочки ореол...*— Имеется в виду типографский знак звездочки, которым иногда выделяются в словарях наиболее значительные имена. Это стихотворение — эпитафия другу.

В. Маркова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Маркова.</i> Предисловие	3
Стихотворения	23
Комментарии <i>В. Марковой</i>	167

Дикинсон Э.
Д45 Стихотворения. / Пер. с англ.
В. Марковой; Предисл. и коммент.
В. Марковой.— М.: Худож. лит.,
1981.— 174 с.

Эмили Дикинсон (1830—1886) — выдающаяся американская поэтесса, создала яркие образцы лирики. В ее стихах запечатлены вечные проблемы любви, жизни и смерти. Стихи сохранили до наших дней свежесть, остроту и яркость чувства.

Д 70404-109 147-81 4703000000 И(Амер)
028(01)-81

Эмили Дикинсон

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *А. Мурик*

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Л. Вецкувене

Корректор *Л. Лобанова*

ИБ № 1758

Сдано в набор 10.06.80. Подписано к печати 10.11.80. Формат 84×108^{1/64}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. 4,62 + 1 вкл. = 4,646 усл. печ. л. 4,24 + 1 вкл. = 4,264 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Изд. № VI—340. Заказ 164. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Жовтень»

РПО «Полиграфкнига»

Госкомиздата УССР.

252053, Киев-53, Артема, 25.